

Лили
Тан Цу

Нет, Босс!
Да, Шеф!

Лули Тан

Нет, Босс! Да, Шеф!

<https://litres.ru/74278694>

Аннотация

Звёздный шеф-повар. Обладатель нескольких звёзд Мишлен. Мой кумир, к которому я мечтала попасть на работу, и на чьи фотографии в журналах я смотрела с придыханием. Но есть нюанс. Он не признает женщин как профессионалов, он не доверяет женщинам в принципе и единственная роль, которая мне подходит по его мнению – официантка или судомойка.

Но то, что между нами начинается происходит меняет всё и всех и имя этому – любовь. Правда дошло это до нас не сразу и больше походило на один сплошной скандал.

История о неудержимой страсти и недоверии, о сближении двух непримиримых характеров и о разрушающей любые преграды любви.

✓#ХЭ ✓#Эмоционально ✓#Горячо! ✓#Развитие характеров
Иллюстратор - Лидия Апазиди.

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1. Самый важный день	8
Глава 2. Белый шоколад	18
Глава 3. Вам что-то не понравилось?	25
Глава 4. Флешбэк	32
Глава 5. Моцарт и Сальери	39
Глава 6. Биполярная биполярка	45
Глава 7. Нет, Босс! Да, Шеф!	50
Глава 8. Нехороший разговор	58
Глава 9. Худшая концовка дня	64
Глава 10. Все дальше от мечты	74
Глава 11. Некуда бежать	83
Глава 12. Что в твоей голове?	90
Глава 13. Деда мороза не существует	100
Глава 14. Да, Шеф!	106
Глава 15. Дрёма	118
Глава 16. Ливень	127
Глава 17. Сновидение	141
Конец ознакомительного фрагмента.	142

ПРОЛОГ

Уж чем меня точно не возьмешь, так это заверением, что у тебя большой опыт. Прежде всего меня интересует талант и только талант! И потому мне не остается ничего, как в очередной раз сказать:

– Вы мне не подходите.

Я уже знаю, что сейчас будет недоумевающий взгляд. Дескать, как так, да я лет на двадцать тебя старше, да я знал и умел больше тебя, когда ты еще под себя ходил.

«Ну, давай, выдай», – думая я, глядя на возрастного мужичка, уже битый час рассказывающего мне о своем уникальном опыте, но не способного даже помыслить оригинально. Хотя бы попробовать нарушить пресловутые правила.

И, конечно, он выдает:

– Константин, вы делаете ошибку!

А вот это оригинально, но поздно.

– Я никогда не ошибаюсь, – отвечаю я.

Лукавлю, естественно. Ошибаюсь, но точно не в профессиональной деятельности, а сейчас речь идет только об этом.

Очередной кандидат на вакантное место выходит из кабинета. Время уже поджигает. Мне нужно для очистки совести провести еще одно собеседование, и я молюсь, чтобы это оказалась не женщина.

Пока мне везло, за сегодня не появилось ни одной. Будь моя воля, я бы женщин отстреливал еще на подходе к моему кабинету, но необходимо соблюдать хотя бы видимость игры по правилам. Времена непростые, люди, по-моему, только и делают, что жалуются, как с ними несправедливо обошлись.

Я не доверяю женщинам, я не верю им в принципе – ни единому их слову. Они не могут держать себя в руках – сплошные эмоции. У них вечно что-то случается, они слабы и ранимы, а я не собираюсь себя сдерживать ни в чем, когда мне нужно добиться необходимого результата. Без того, чтобы выбирать выражения, чтобы думать о чьих-то там чувствах, заморочках или взглядах на мир.

И уж точно мне не нужны все эти: стреляющие глазки, хлопающие реснички, восьмерки бедрами и прочие загогулины. Мне даже вне работы это не нужно, а уж тем более в моей команде.

Я слишком давно холост. Я слишком привык к одиночеству. И вряд ли что-то или кто-то может поменять эту данность.

Но мне просто необходимо именно сегодня закрыть вакансию. Дело уже не терпит. И потому я уже поступился принципом, время, отведенное для соискателей, вышло, но я все еще жду последнего на сегодня. Жду и прошу провидение: «Только не женщина».

Слышу стук в дверь и уже по этому стуку понимаю, что провидению на меня плевать. Так постучать может только

слабый женский кулачок.

– Входите! – рявкаю я, не в силах сдержать раздражения.

«Видимость, нужно соблюсти видимость», – уговариваю я себя, чтобы не послать её, как только она откроет дверь.

Дверь открывается и мой взгляд буквально прилипает к девице с золотистыми волосами. Полосатое платье-рубашка, не способное скрыть изящество фигуры. Сам не понимаю, как так получается, но я скольжу взглядом по шее, груди, талии, бедрам и возвращаюсь обратно.

Слишком долго смотрю, слишком нарочито. Сам это понимаю. Но я залип не на ее женских прелестях. Что-то другое меня зацепило. Казалось, даже воздух в кабинете стал гуще с ее появлением. Она буквально источала энергию, какую-то первобытную женскую силу, от которой того и гляди заискрит электричеством воздух.

Я дергаю бровью, словно в попытке прогнать наваждение и выдаю, не дав сказать ей слова:

– Не подходите!

– Но вы же даже... – дрожит ее голос.

– Я сказал, не подходите! Закройте за собой дверь! – бросаю уже, не сдерживаясь.

И здесь может быть два варианта: истерика или молчаливое презрение.

Но оказалось, что меня ждало кое-что поинтереснее. В ее огромных голубых глазах заплясал бесовской огонек. Она поджала губы, нахмурилась, и я тут же понял, что сейчас

пришло мое время вставать в оборону. И атака будет стремительной.

Глава 1. Самый важный день

Я сидела на кухне за столом, обхватив голову руками, и не закрывала уши ладонями только потому, что боялась, что этот разговор окончательно превратится в скандал. А очень хотелось – не слышать Женю и его наставления. Несложно было догадаться, что тогда будет: «Ты еще и слушать меня не хочешь, Аля! Ты меня вообще ни во что не ставишь?!».

– Аля, ты меня слушаешь вообще?

– Слушаю, Жень, – ответила я и с тоской глянула на часы.

– Торопишься?

Я посмотрела на своего жениха и уже не слышала, что он говорит. В голове неслось только одно: «Почему он никак не может понять, насколько для меня важно то, что я делаю».

Женя стоял передо мной в спортивных штанах и футболке, подчеркивающей его накаченный торс – это его костюм для отдыха. У него для всего есть костюмы, нужные цитаты, правила для отношений с людьми. И беда в том, что я в его правила не помещалась.

Черт!

А менять правила ради меня он не собирался. Скорее, всё еще надеялся изменить меня.

Женя со злостью выкрикнул:

– Мы же договаривались! Ты хотя бы один вечер можешь дома провести? Почему тебя постоянно носит непонятно

где?

– Так, всё! – вспылила я. – Ты прекрасно знаешь, где меня носит.

Я вскочила из-за стола.

– Работаю я! Жилы рву, вот где меня носит, Жень!

– Быть поваром – это быть в обслуге, я говорил тебе уже. Не работа – чушь какая-то. Можно ведь пойти в модели, у тебя ж все данные, тебе предлагали, а ты что? Засмеялась в лицо, да еще такому известному человеку! – он чуть ли не выплюнул эти слова сквозь зубы.

Столько злости, столько пренебрежения.

Он раз за разом обесценивал мой главный интерес в жизни – стремление стать лучшим шеф-поваром. Неженственная профессия, по его единственно правильному мнению.

Я начала закипать. В такие моменты мне хотелось запустить ему в голову что-нибудь тяжелое. Он, вроде бы, никогда не был дураком. Еще недавно мне казалось, что лучше, чем он, меня вообще никто не понимает и никогда не поймет. А сейчас я смотрю на него и не вижу перед собой больше человека, с которым хотела связать свою жизнь.

Я знала, что это пройдет. Я выйду из дома и уже скоро начну скучать. Мы помиримся и сделаем вид, что во всем разобрались. Пара дней нормальной жизни, а потом снова по кругу. Те же претензии, те же мои безуспешные попытки защититься. Женья во всем был настойчив: в знакомстве, в предложении жить вместе, в попытках изменить меня.

Просто я устала от давления.

В кармане джинс ожил телефон. Женя тяжело вздохнул и вышел из комнаты.

– Клюковкина! Где ты есть? – чуть ли не орала в трубку Дина.

– Да выхожу уже! – огрызнулась я, придерживая телефон плечом и одновременно перебирая рубашки и футболки в поисках чего-то приличного.

– Только выходишь? Боже, ты же все пропустишь!

– Не нуди, Динь-Динь, я успею, – стоя на одной ноге, будто цапля, я уже пыталась справиться с туфлей, одновременно натягивала футболку, в итоге потеряла равновесие и завалилась раненым кабанчиком на пол.

Женя вышел из комнаты, застыл в дверях и смотрел на меня так, будто ничего нелепее в своей жизни не видел.

– Ты что, в этом пойдешь? – спросил он.

Я поднялась с пола и оглядела себя в зеркало.

Длинные волосы с золотым отливом я собрала в пучок на голове. Ну, растрепался немного, но вроде прилично. Рубашки надо гладить, поэтому я надела футболку. Широковата. Женина, что ли?

Женя со вздохом покопался в шкафу и выудил полосатое платье-рубашку. Скандал скандалом, а правила должны быть соблюдены. На собеседовании я должна выглядеть прилично. Ход мыслей Жени я знала наизусть. И в данном случае была за них благодарна.

Даже возмущение от его слов утихло.

Я тут же скинула джинсы и футболку, надела платье-рубашку и балетки. Женя подошел ко мне, заглянул с тоской в глаза, будто сожалел о случившейся ссоре, и распустил мне волосы. Волосы золотой волной упали на плечи, грудь.

Женя поправил завиток у лица и сказал:

– Так намного лучше.

Только я собралась сказать «спасибо», как Женя выдал:

– Если ты сейчас уйдешь, то, когда вернешься, меня здесь не будет, – и всё это с таким трагизмом.

И мгновение заботы и нежности тут же испарилось к чертям собачьим.

– Тебе решать, Жень, – бросила я и выскочила в подъезд.

Уже проскочив два лестничных пролета, я услышала, как громыхнула дверь. На мгновение сердце сжалось, но, если честно, меня все это уже почти не трогало. Перегорела обида давно. Когда-то я плакала, а сейчас просто пожимаю плечами и лечу навстречу своей мечте – несусь по лестнице вниз, будто на крыльях!

Да, вопреки Жениным наставлениям.

У подъезда меня уже ожидало такси. Я нырнула на заднее сиденье.

«Чему быть, того не миновать, – подумала я и захлопнула дверь машины. – Для него моя мечта стать шеф-поваром все равно, что мечта работать поварихой в привокзальной столовой. И вот как такому человеку объяснить, что у меня,

еще такой неопытной, появился шанс попасть в команду шефа с мировым именем, который появился в Москве для того, чтобы открыть новый ресторан и получить одиннадцатую звезду Мишлен?»

От этой мысли у меня защекотало в животе.

Я волновалась и была уверена в себе.

И снова волновалась.

Я говорила себе: «Ты талантлива, ты попадешь в команду шеф-повара, который собирается войти в историю, получив одиннадцатую звезду Мишлен, и ты приложишь руку к его успеху, а значит, своему собственному. О боже!»

Я в который уже раз открыла на телефоне сохраненные вкладки про Константина Яковлева. Его путь меня вдохновлял. А сейчас, когда руки тряслись и в животе поселилась щекотка, мне очень-очень нужно было вдохновение.

В общем так, по ресторанному миру Москвы проносится слух, что Константин Яковлев ищет повара в свою команду. Ни для кого не секрет, что он всегда берет начинающих и растит их под себя. Я читала его интервью, где он обмолвился: «Мне проще научить, чем переучить, главное – талант. Все решает талант, мне безразлично какой у человека опыт».

Вау! Ну что за офигенный шеф. Мечта работать у него!

С фотографии на меня стальным взглядом смотрел Константин Яковлев. Он был в поварском темно-синем кителе. Широкие плечи, сложенные на груди руки, небрежно зачесанные назад темно-русые волосы и серые, непроницаемые

глаза.

Я задумалась, какой он человек под своим кителем шеф-повара? Но о человеке-Константине ничего в сети не было. Только о шефе-Константине.

Ладно, разберемся и с человеком.

Лишь бы он увидел во мне талант.

Машина тормозит у ресторана. Я выскакиваю наружу и сразу попадаю в цепкие лапки моей подруги Дины, которую иначе как Динь-Динь не зову.

Дина высокая, изящная брюнетка. Из-за ее внешности от нее ждут надменности и даже капризности, но в итоге все удивляются, ведь она невероятно теплая, открытая, на ее лице очень часто играет яркая улыбка, а от общения с Диной у абсолютно любого человека возникает чувство, что она искренне тебе рада.

Динь-Динь, одним словом.

Она в черном-платье смокинге, подчеркивающим ее фигуру. На обалденно тонкой шпильке черных лаковых туфель. Дина – администратор ресторана. Она вытаращила на меня идеально подведенные глаза:

– Клюковкина, ты хоть представляешь, чего мне стоило договориться, чтобы Константин на тебя глянул? И ты умудрилась опоздать! – зазвенела своим тонким серебристым голосом Дина.

– На пять минут, всего! Веди давай, быстрее!

От волнения меня всю колотило.

Я шла на ватных ногах, не чувствуя земли, через очередь, выстроившуюся у закрытых дверей ресторана.

– Чего они тут? – спросила я в недоумении.

– У Константина Яковлева сегодня презентация, выстроились на гастросет от шефа. Тебя ждут, Клюковкина!

– А я здесь причем? – я дернула в удивлении бровью.

– Потому что после собеседования с тобой все должно было уже начаться. Ну, что ты за кулёма, Аля! – Дина тащила меня за руку сквозь толпу.

– Она к шефу, – бросила Дина охраннику на входе.

Тот кивнул и услужливо открыл перед нами двери.

Мы прошли через зал к едва заметной двери в административную часть. Дина открыла дверь и похлопала меня по плечу, как парашютиста перед прыжком с самолета.

О ужас!

Я сейчас увижу *его*!

Вживую!

Сердце грохотало у меня в ушах.

– Ну, давай, Клюковкина, не посрами мои седины!

– Седины, Динь-Динь? – я фыркнула от смеха и шагнула за порог.

Дальше я не могла сделать и шагу. Меня затрясло, ладошки вспотели, а колени от страха перестали гнуться. Я поверить не могла, что сейчас встречу с этим человеком лицом к лицу. Встречусь со своим кумиром, с чьих фотографий в журналах я не могла отвести взгляда.

Мне всегда казалось, что он – воплощение всего лучшего в мужчинах. Брутальный, темноволосый, с пронзительным взглядом серых глаз. И профессионал такого уровня, что казалось, подобных высот больше не достичь никому. Красив, как языческий бог и богат как арабский шейх. Это все ирония, конечно, но он и правда, весь такой-растакой. Но я не дура, чтобы упиваться мужиком за красивые серые глазки, мне было важно, что он всего добился сам, все своим трудом. Я зачитывалась его биографией и историей его успеха – от помощника повара до блистательной звезды в ресторанном мире.

Рестораны под его именем: В Нью-Йорке, Токио, Париже, Милане и вот – в Москве.

Еще молод, всего двадцать восемь лет. Даже представить страшно, на какую вершину он доберется, когда ему будет сорок, например.

И я, двадцатилетняя мечтательница, собираюсь дерзнуть и попроситься к нему в команду, чтобы мой кумир стал моим учителем.

Казалось, что, если я еще так простою хоть минуту, рухну без сознания, не выдержав волнения. Меня замутило, перед глазами поплыло, но я сказала себе: «Так, Аля, сейчас или никогда. Второго шанса не будет», – и решительно двинулась по коридору навстречу своей судьбе.

Я стукнула в дверь с табличкой – «Шеф», и когда услышала резкое, грубое и раздраженное: «Входите», – чуть не

развернулась и не дала отсюда драпа.

Но я все же собрала последнюю волю, открыла дверь и сунула нос. Шеф сидел за столом и что-то быстро записывал от руки в толстый блокнот.

Он даже не смотрел на меня. Я же думала только о том, что вот сейчас он глянет на меня, что-то спросит, а у меня в голове звенящая пустота. Хотелось стать черепахой, втянуть голову, ноги и руки в панцирь и оттуда пропищать: «Я ничего не знаю, я в домике».

Наконец, он оторвался от записей и посмотрел на меня.

Черт! Черт! Черт!

В эту минуту я забыла, как дышать. Сила, которая исходила из него, меня парализовала. Я пропала. Я не могла оторвать от него взгляда.

А он смотрел и смотрел, не отрываясь.

Затем он провел взглядом по моему телу, начиная от пышных золотых волос, остановился на лице, задержался на губах, на шее, на груди и ниже, ниже. И от каждой его остановки щеки мои пылали.

Я знала, как именно он смотрит, и о чем он смотрит. И это было не про профессию повара. Но мне было неважно, меня било током от прикосновений его взгляда.

Лицо его было непроницаемым.

Только на скулах заиграли желваки. И ноздри хищно раздулись.

Губы мои приоткрылись, я собиралась сказа...

Он дёрнул бровью и тут же, не думая ни секунды, выдал:
– Не подходите.

И снова принялся что-то записывать, вроде как, потеряв ко мне всякий интерес.

Я стояла и беззвучно то открывала, то закрывала рот, пытаясь найти хоть какие-нибудь слова.

– Но вы же даже...

– Я сказал, не подходите! Закройте за собой дверь! – рявкнул он.

Глава 2. Белый шоколад

Я вздрогнула, совершенно не ожидая такой резкости и напора. Это особенно было странно после недавних мгновений наших примагнитившихся взглядов. Страх и волнение сменились негодованием. Во мне всё забурило, разве, что пар из ушей не пошёл.

– Почему не подхожу? Будьте добры объясниться! – я подошла к столу и уперлась ладонями в стол.

Он этого не ожидал и резко отклонился назад на своем кресле. Затем взял себя в руки, нарочито медленно положил ручку на стол, сложил руки на груди и глянул на меня таким взглядом этих проклятых его стальных глаз, которыми я любовалась всю дорогу, что у меня по спине разбежались предательские мурашки, а сердце замерло, будто говоря мне: «Рехнулась с ним так разговаривать, это же Константин Яковлев?»

Но я уже закусила удила. Терять мне было больше нечего. И вот мы снова неотрывно смотрим друг на друга. Глаза в глаза. И в животе все переворачивается. Потому что то, что говорят его глаза и, наверное, мои – не про собеседование.

Он невольно опускает глаза на мое тело, прикрытое платьем. А мне жжется, потому что платье теперь ощущается прозрачным. Теперь я складываю руки на груди и отхожу от стола. Константин от моего движения словно очнулся, трях-

нул головой.

– Я никому. Ничего. Не собираюсь объяснять, – чуть ли не по слогам проговорил он.

Во мне же все смешалось: отчаянье, боль от разбитой надежды, злость, и все это приправлено неудержимым и бесконтрольным томлением от того, как он на меня смотрел. Адская смесь каких-то диких, неожиданных эмоций.

– Я не уйду отсюда, пока не узнаю причину. Вы даже не попытались поинтересоваться, что я могу и что умею, – отважилась я настаивать на своем.

– Ничего вы не можете, женщине не место на моей кухне. Точка.

– Что? Женщине? – я уперла руки в боки, уже не думая о последствиях этого разговора.

– Именно, вы правильно слышали. Можете, попробовать устроиться официанткой, вам там самое место с вашей... – он сделал недвусмысленный жест рукой будто очерчивая в воздухе мою фигуру и добавил, – вашими данными.

Нет, ну это уже ни в какие ворота.

– Хамло! Женофоб в кители! Вас, что, на кухне кипятком обварило? Мозги свернулись?

У моей обломавшейся шеф-мечты, Константина Яковлева, брови поползли вверх. Но что он там собирался сказать в ответ, я дожидаться не стала. Резко развернулась и вылетела обратно в коридор. Слезы стояли в глазах, я от злости сжимала кулаки так, что ногти врезались в ладони.

Я пронеслась через зал и буквально выбежала наружу как раз тот в момент, когда гостей стали пропускать внутрь.

Следом за мной выбежала Дина:

– Ну, что?! Как прошло?

Я глянула на нее и слезы сами покатились из глаз.

– Не взял? Да как так-то? Ты же талантище! – Дина все поняла без слов и обняла меня.

Я дрожала всем телом, будто заоченела от мороза, хотя на улице в самом разгаре июльская нега.

– Ди...Ди...Дииии, – сквозь всхлипы попыталась сказать я, – он сказал, что мое место в официантка-а-аах. Он так это сказа-ал!

– Так! Угомонись! Я вообще-то тоже с официантки начинала, трудная, между прочим, работа и ничего постыдного в ней нет.

– Ну, я же не об этом, – всхлипнула я и утерла слезы.

– Ладно-ладно, я понимаю, о чем ты. И куда ты сейчас собралась?

Я вспомнила домашний скандал с Женей и сглотнула тяжелый холодный комок. Возвращаться домой мне сейчас не хотелось. Вот уж кто позлорадствует и обрадуется, что у меня первый и самый важный шаг в моей профессии не получился.

– Я не знаю, куда пойду, – ответила я, – но мне надо уйти отсюда срочно. Ты иди, там люди тебя ждут.

Дина нервно оглянулась на окна ресторана. Народ прибы-

вал, скорее всего уже кто-то требовал Дину. Я не хотела мешать и направилась было прочь, но Дина дернула меня за пояс платья и заявила:

– Давай так. Что бы там ни случилось, не зря же ты сюда пришла. Иди в зал и хотя бы попробуй блюда гастросета, ты же профессионал, верно? Когда еще будет такая возможность? Сегодня готовит сам мастер. Поверь, даже его повара не могут в точности повторить то, что он делает сам.

– Дина, он меня унизил! Эм-м, а я его. Мне тут нечего делать.

– Ты его унизила? – распахнула Дина на меня глаза и закрыла рот ладошкой.

Я кивнула.

– Плевать, – через мгновение решительно сказала она. – Ты идешь в этот зал на этот сет и точка. – Увидев мой протестующий жест, Дина на полном серьезе добавила, – если ты уйдешь сейчас, я пойду с тобой, к чертям Шефа, и его ресторан, и мою работу. Тебя нельзя сейчас оставлять одну. Это была твоя мечта, я же все знаю, Аля. Мы были с тобой уверены, что у тебя получится. Ты ведь лучшая на курсе, тебя всегда отмечали за необычные эксперименты.

От напоминания Дины о моей только что обломанной мечте по щекам побежали слезы. Но Дина была настроена решительно, и я не стала рисковать ее карьерой. Поэтому скрипя сердцем вернулась с ней в ресторан.

В конце концов, жизнь продолжается. Да не получилось,

да мой кумир оказался долбаным женоненавистником. Что теперь, отказываться от мечты? Из-за него? Ну, уж нет!

Дина провела меня к столу в самом углу, чтобы я не особо отсвечивала, и убежала работать.

Официанты начали разносить гостям блюда. Гастросет – это когда, сколько бы тебе не принесли, ты не наешься. Все меню идет крохотными порциями на один укус и каждое блюдо, если оно от шефа Константина Яковлева – шедевр кулинарной мысли как по вкусовым качествам, так и эстетически.

Настроение мое немного поднялось, когда я глянула на это великолепие. Теперь я думала только о том, как эта красота передо мной сделана. На тарелках была не просто еда, а настоящие произведения визуального искусства. Идеальные сочетания форм, цвета и текстур. Меня охватил профессиональный азарт: разгадать рецепт Шефа.

И стоило мне оглядеться по сторонам, как тут же вся моя увлеченность испарилась. Шеф Яковлев стоял в зале и внимательно следил за каждым движением официантов, смотрел на лица гостей, шурился, подмечая реакции. В черном кителе шеф-повара с красным вышитым вензелем на груди (я в таком его раньше не видела, он ему очень идет), он был похож на капитана пиратского корабля, готового вздернуть на рее любого, кто хотя бы сделает намек на неаккуратное движение.

Я в третий раз за день не могла отвести от него глаз. Он

был сосредоточием силы. И эта сила – мужская, животная, властная – тянула к себе. Я понимала умом, что повел он себя самым мерзким образом, но в моем теле разливалось томление, оно тянуло низ живота, оно смущало.

Он оказался неприятным человеком, но я хотела...

Ничего подобного я не ощущала рядом с Женей, даже в начале наших отношений.

Чтобы отвлечься уже наконец, я, не глядя, хватанула с тарелки первое, что попало, не разбирая, что это, с чем и как называется и сморщилась, чуть не выплюнув все обратно.

«Что это за гадость?», – пронеслось в голове.

Я глянула, в меню и прочитала – «Чёрная икра с белым шоколадом».

«Ну, конечно! – подумала я, – белый шоколад».

Я ненавидела белый шоколад всей душой.

Буэ.

Меня от него буквально мутило. Мое естество противилось самому существованию белого шоколада, как чему-то противоестественному. Я схватила салфетку, поднесла к губам и с отвращением убрала с языка остатки этой гадости.

Подняла глаза и наткнулась на негодующий взгляд Шефа. Да чтоб тебя!

Надо было видеть его лицо. Да и лица гостей в зале. Мои манипуляции не остались незамеченными.

Мне казалось, что Шеф сейчас взорвется. Он шел к моему столу, и в глазах его сверкали молнии.

«Мне конец», – подумала я, когда он подошел.

Глава 3. Вам что-то не понравилось?

– Простите, вам что-то не понравилось? – спросил он вроде бы вежливо и сдержанно, но в голосе его звенела холодная сталь.

– Угу, – кивнула я, – это попросту несъедобно.

Испуг сменился злорадством.

Я вдруг поняла, что могу сейчас отыгаться на нем за слова о женщине на кухне. Терять мне было нечего: официанткой я сюда устраиваться не собиралась, дорога на его кухню была закрыта, как человек он мне категорически не понравился, как мужчина... тут я помолчу.

В общем, я вошла в раж, решив не оправдываться тем, что блюдо, может быть, и великолепно, просто я не переношу белый шоколад.

– Простите, но позвольте усомниться, – вежливость Шефа внушала опасения, настолько она звучала угрожающе. Гости за ближайшими столами внимательно слушали наш разговор, и я видела каких трудов стоит Шефу не придушить меня сейчас прямо за этим столом, ну, или скормить мне центнер белого шоколада. – Белый шоколад прекрасно сочетается с черной икрой, может, вы не распробовали?

– С черной икрой прекрасно сочетается чёрный хлебушек

и рюмка ледяной водки. — я смело смотрела ему в глаза, но коленки тряслись. — Вы, Шеф, слишком долго пребывали за границей и, кажется, оторвались от русских корней и традиций. Вы бы еще в вареную картошку вместо сливочного масла добавили клубники. Чушь какая-то! — выпалила я скороговоркой и от ужаса зажмурила на мгновение глаза, не зная, во что сейчас выльется его ярость.

Кто-то прыснул от смеха за соседним столом.

Я открыла глаза и глянула на Шефа. Он побледнел от злости настолько, что это было заметно, даже несмотря на его смуглую кожу. Казалось, он сейчас проткнет меня своим взглядом. Но теперь к нам было приковано еще больше внимания.

Шеф совладал с собой, сделал издевательский, легкий полупоклон и сквозь зубы процедил:

— Я приношу свои извинения. Что я могу для вас сделать, чтобы исправить ситуацию?

— Научиться готовить? — то ли спросила, то ли предложила я и машинально вжала голову в плечи, уже понимая, что перешла все возможные границы.

Из-за спины Шефа выглянула Дина. У нее были страшные глаза чуть ли не во все лицо и в них читалось очевидное: «Тебе конец, Клюковкина! Если он сейчас не прибьет тебя, это сделаю я — твоя Динь-Динь — тебе капздынь!».

— Что ж, я приложу для этого все усилия, — Шеф справился с эмоциями, и на губах его мелькнула зловещая ухмылка.

Я встала из-за стола и, стараясь унять дрожь в коленях, двинулась было к выходу. В моих планах было пересечь зал исполненной достоинства и холодности, но не успев и шагу ступить от своего стола, запнулась о ножку стула и полетела носом в пол.

Шеф подхватил меня за талию.

«Какие горячие у него ладони», – подумала я.

По телу пробежал электрический ток от его прикосновения. Он буквально прижал меня к себе, не дав упасть. Сердце вообще нафиг спряталось в одну из пяток и больше не собиралось разгонять по венам кровь. Краска бросилась мне в лицо, дыхание перехватило, я чувствовала его руки, его тело и запах этого тела.

Я снова примагнитилась к его глазам. Впрочем, как и он к моим.

Он тяжело дышал. И у меня сбилось дыхание.

Зал, люди исчезли.

Я посмотрела на его губы. Он на мои.

Кто-то ахнул, кто-то где-то засмеялся, момент рассеялся, и я хотела одного – только бы поскорее отсюда убратся. Но он не отпускал.

– Завтра приходишь сюда в качестве официантки, это не обсуждается, – зло шепнул мне на ухо шеф.

Все это произошло в одно мгновение, но, мне казалось, что прошла целая вечность.

– Я провожу вас, – Дина ослепительно улыбнулась и по-

вела меня под локоть к выходу.

– Клюковкина! – обрушилась она на меня, когда мы оказались на улице. – Ты в своем уме вообще? Научись готовить? Ты вообще понимаешь, что ты теперь во всех черных списках, в каких только можно? Хочешь до конца жизни крутить шаурму где-нибудь в подворотне?!

– Не звени, Динь-Динь, – после этой эмоциональной встряски я была на нуле, ничего не соображала и ничего не чувствовала. Спина все еще хранила жар его ладоней, меня окутывал его запах, я бы хотела еще немного побыть в этом состоянии, которому не могла дать названия.

Дина не поняла моего состояния, с сочувствием посмотрела на меня и попробовала успокоить:

– Ладно, Алечка, образумится все.

– Конечно, образумится, – кивнула я, достала из сумочки телефон и вызвала через приложение такси.

– Я побегу, – будто виня себя за то, что оставляет меня, сказала Дина.

– Да, Дина, тебе работать нужно, я справлюсь.

Подъехало такси и я, глядя в вечернее небо, непонятно кому сказала: «Спасибо», – благодаря, видимо, провидение, что не пришлось долго ждать.

Я вышла из машины и глянула с замиранием сердца на окна квартиры. Свет горел. Значит, Женя не ушел, как обещал. Мне стало немного легче. Сейчас больше всего мне не хотелось оставаться одной. Хотелось совсем по девчачьи по-

ложить голову на грудь, поплакать, пожаловаться и услышать слова утешения. Мне хотелось верить, что Женя на это способен.

Я повернула ключ в замке и вошла в квартиру. Женя вышел из комнаты и снова замер в дверях так же, как когда я уходила. Он сложил руки на груди и пристально смотрел на меня, не замечая моего растрепанного состояния.

Я закрыла дверь, оперлась на нее спиной, не в силах даже разуться.

– Прости меня, Жень. Я знаю, что поступила нечестно. Знаю, что мы договаривались, что сегодня важный для нас с тобой вечер, я все помню. Лучше бы, и правда, я поехала знакомиться с твоими родителями. Простишь? – я глянула на него с надеждой. – Мне очень было нужно попробовать. Я не могла поступить иначе.

– Могла. Ну, что устроилась к шефу? – спросил Женя, как мне показалось с каким-то злорадством.

– Я рада, что ты не ушел, – увильнула я от вопроса.

– Так что?

– Нет.

– Не удивительно, – фыркнул мой жених.

– Почему?

– А ты думала, что сразу из грязи в князи, ты хоть думала, на каком уровне находишься ты и на каком он? Пришла, увидела, победила – ага, сразу на кухню к звезде. Аль, ну спустись уже с небес на землю.

Мне нечего было ему ответить. Как бы ни ранили его слова, он был прав. Но все же я совсем не этого ждала от него. Точнее, я надеялась, что мои ожидания не оправдаются, и будет утешение и сочувствие. С чего я это взяла?

– Да, наверное, ты прав, – сказала я и почувствовала, как во мне понемногу закипает негодование.

В одно мгновение апатия сменилась решимостью. Мне захотелось во чтобы то ни стало доказать жениху, доказать этому невыносимому Шефу, что я не просто чего-то стою, что я лучшая!

– Он предложил мне устроиться официанткой, представляешь? – бросила я и скинула с ног туфли. Это была еще одна попытка вызвать жалость у вечно недовольного мною Жени.

– Во! Это в самый раз, Аль. Какая разница, что повар, что официант – все это обслуживающий персонал. С твоей внешностью, там у тебя хоть какой-то шанс на карьере есть. Как у твоей подружки. Глядишь в директора лет через десять выбьешься.

Я никак не могла понять – это сарказм или он говорит серьезно. Попытка вызвать жалость провалилась. Незачет, Жечка, незачет.

– А знаешь, ты прав, пожалуй, я пойду в официантки!

Это был не каприз. Я вдруг четко поняла, что не сдамся. И для того, чтобы добиться своей мечты, я готова на что угодно, лишь бы быть хотя бы неподалеку от того места, где хочу оказаться. Если у меня вот такая кривая дорога, что ж, никто

другой вместо меня по ней не пройдет.

– Без толку с тобой разговаривать, Аля, пошли спать уже.

«Смотри-ка, Аля, – сказала я себе, – какой расчудесный зоопарк собрала. Тут тебе и грубиянский женофоб и больной сарказмом жених. Хоть в галерею портреты вешай. Какой прекрасный день, просто, черт его подери, замечательный», – подумала я, повесив голову, и поплелась в ванную.

Завтра я иду в официантки к шеф-засранцу.

Глава 4. Флешбэк

Она очень красива. И я залип. А это недопустимо.

А еще в ней была обманчивая прямота и искренность, от чего мелькнула опасная мысль – такая не будет таить обиды и камни, чтобы в нужный момент побольнее раскрыть тебе череп, а выложит все как есть тут же.

Несдержанная, как и я.

Красивая женской тугой красотой.

Черт, как же она...

Бесит.

Худшее открытие ресторана в моей жизни. Сплошные нервы. Я давно не чувствовал себя настолько взвинченным. Что угодно могло меня вывести из равновесия, но я и представить не мог, что такое может случиться из-за взбалмошной девицы.

Какой-то совершенной лютей флешбэк при одном только взгляде на нее, и одного этого уже было достаточно, чтобы вечер покатился к чертовой матери.

Нет, Алю я видел в первый раз в жизни. Откат в прошлое случился совершенно в другую историю, просто Аля, а точнее, то, что я испытал к ней, вернуло меня в воспоминания, от которых я очень долго избавлялся.

Я ударил по рулю. Черт. Я же ее сразу послал, так какого хера я позвал ее официанткой? Редкостный идиот.

Этот ее весенний запах. Казалось, он повсюду. Пьянит. Обещает.

Я сидел в машине на парковке и подниматься в квартиру не было никакого желания. Я и так-то особо не люблю свое жилище, но сегодня вообще все обострилось. Наверное, мне не стоило возвращаться в Москву, домой.

Я думал, что давно уже примирился с этим городом и со своим прошлым, но нет. Оказалось, что прошлое только покрылось пылью, и стоило подуть легкому ветерку, как пыль сдуло, и все под ней обнажилось.

Я все-таки вышел из машины, дошел до дверей персонального лифта и вызывал кабину.

Жесть, как медленно движется лифт. Мои внутренности выкручивало будто на стиральной машине в режиме отжима.

Машинкой была Аля.

И мое прошлое.

В холле принюхался, фух, хотя бы здесь исчез запах весны, который она протасила в мой кабинет. Здесь запахи отсутствовали полностью, значит клининг справляется как надо. Это важно, чтобы в квартире ничем не пахло и всегда была стерильная чистота. Вокруг меня слишком много запахов и вкусов. Хотя бы дома обоняние должно отдыхать.

Непросто жить в мире запахов, когда рецепторы обострены так, как у меня. И еще сложнее, когда запахи и вкусы – это главный инструмент моего мозга для отрисовки моей субъективной реальности. Я, как какая-нибудь собака, вижу этот

мир через запахи. Любой, даже самый тончайший оттенок у меня к чему-нибудь привязан, если нужно что-то вспомнить, я сначала вспоминаю запах, и он уже тянет за собой все остальное.

В принципе, это никогда не было особой проблемой. До тех пор, пока восемь лет назад, когда я еще ничего из себя не представлял, от меня не ушла Катя. Я так долго избавлялся от ее запахов в квартире, чтобы ничто о ней напоминало, что дошел до иступления.

Пришлось ободрать пол и стены до бетона, чтобы после ремонта я мог нормально существовать в этом жилище. И дело было не только в том, что я любил её так, что эта любовь была больше похожа на помешательство, не только в том, что она ушла, а в том, как она ушла и, что при этом сказала:

– Яковлев, я не могу жить с человеком, который вообще из себя ничего не представляет и не собираюсь влачить свое существование в нищете, я попросту не верю в такие отношения, ты уж прости.

Любовь? Ага, расскажите мне про любовь, а я скажу сколько она примерно стоит, какая у нее арендная плата и какие ежемесячные проценты.

Поэтому я и вожусь с новичками. Я одержим дать дорогу тем, кто в начале пути. Я одержим тем, чтобы увидеть потенциал, который еще не проявил себя в полной мере. Чтобы хотя бы кто-то знал, что если у тебя есть талант – его видят.

Даже, «если ты ничего пока из себя не представляешь».

Сука меркантильная.

Я плеснул в стакан виски на два пальца и развалился в кресле. Сегодня избавиться от воспоминаний уже не получится и лучше мне от них и не бежать: изжить их из себя, избыть, чтобы завтра вернуться в свое привычное состояние.

Я пытался отследить механизм, который меня так зафлешбэчил, и это точно были не запахи. Девица, Аля, пытавшаяся устроиться ко мне поваром, не пользовалась похожим на Катин парфюмом, да и сама пахла совсем иначе. Что-то очень свежее, весеннее, словно купаж из ранних запахов цветущей яблони и черемухи.

Да и внешне тоже ничего общего с Катей. У Кати была точеная восточная красота, карие, немного раскосые глаза и темные волосы, бронзовая кожа.

Эта же сумасшедшая, можно сказать, противоположность Кате – блондинка с запутавшимся в волосах золотым блеском, большущими голубыми глазами и, очень живым лицом, на котором отражаются все эмоции.

Между ней и Катей была такая же разница как между десертом и морепродуктами. Проблема была только в том, что и этот десерт, и морепродукты, если уж продолжать сравнение – шедевры высокой кухни – красивые женщины, из тех, чья красота дорого оплачивается.

И в прошлое меня выкинула моя реакция на ее появление в кабинете: я позволил себе задержать на ней взгляд больше двух секунд, я смотрел ей вслед, я почувствовал, как гулко

застучало сердце. Все это я уже когда-то испытывал и ни к чему хорошему это не привело.

Мне не нужно объяснять, что у красоты, как и у любви тоже есть цена. Я прекрасно знаю, как устроены вот такие женщины, чего они ждут от жизни и кем себя в этой жизни видят.

Либо все сведется к фразе – «я не хочу жить с человеком, который ничего из себя не представляет».

Либо я стану тем человеком, к которому такая присосется только потому, что убежала от того, кто из себя ничего не представляет.

Ну, а поверить в то, что настолько красивая женщина может появиться на моей кухне только для того, чтобы и вправду научиться кулинарному искусству, было попросту невозможно. Хорошо устроиться в жизни? Попытаться залезть в душу? Охотно верю.

Да и вообще не место женщине на моей кухне. Я должен быть уверен в своей команде, я должен знать, что могу положиться людей, которые со мной работают, а как можно положиться на женщину? Они ненадежны, они ветрены, они себе на уме, хрен разберешь, чего они на самом деле хотят.

Они не могут быть до конца преданы делу.

Они либо преданы любви к мужчине, либо любви к ребенку.

У них всегда какие-то далеко идущие планы и свои индивидуальные цели.

Ну, и главное. Я не верю ни единому их слову.

Стакан опустел, я по-прежнему сидел в кресле и все спрашивал себя, а зачем ты, Костя ей сказал, что ждешь ее в качестве официантки? Что это было? Дал от ворот поворот, но все равно оставил дверь приоткрытой.

Этого я себе толком объяснить не мог. Но после того, как она выдала этот спич о том, что мне нужно научиться готовить, что-то меня закусало. Слишком дерзко, слишком экспрессивно. Бросить такое в лицо человеку, который одним щелчком пальцев может закрыть тебе навсегда дорогу в мир высокой кухни, если ты и правда собираешься стать профессионалом – это кое о чем говорит.

Я знал только одного человека, который будучи двадцатилетним сопликом в самом начале карьеры мог такое выдать – я сам.

Я вскочил с кресла и плеснул в стакан еще виски. Хотелось, чтобы мысли немного затуманились. Я и так слишком долго о ней думаю. Не хотелось себе признаваться, но зацепила. Умудрилась что-то во мне шевельнуть.

Виски сработал. Меня немного отпустило. После душа я улегся в холодную кровать и перед глазами всплыла сцена из ресторана.

Вот она запинается, а я ловлю, чтобы не дать упасть. Руки тут же вспомнили тепло ее тела. В паху мгновенно все напряглось. Наверное, все это алкоголь, но я представил, как снимаю с нее ее платье, рву все пуговицы одним махом, и

член встал колом.

«Твою же мать», – выругался я и снова пошел в душ, на этот раз ледяной. Пора уже остыть.

Глава 5. Моцарт и Сальери

С утра за чашкой кофе я лезу в сеть, глянуть, что там пишут об открытии моего нового ресторана, и от первой же попавшейся на глаза статьи меня передергивает. От заголовка и от имени автора статьи.

«Много пафоса на пустом месте» – кричал заголовок.

Автор, мать его, Ринат Зацепин собственной персоной. Ресторанный критик внезапно. А был когда-то лучшим шеф-поваром столицы.

Я уж и забыл о его существовании и вот тебе – нате, не обляпайтесь.

Да уж, родина, стоило мне только вернуться в Москву, встречает меня призраками прошлого. Сначала меня выкинула в прошлое та девица. Теперь Ринат Зацепин.

Я словно двадцатилетний пацан, который только и получает пинки от двоих важных мне людей: от той, которую любил всем сердцем, и от своего учителя, того самого Рината Зацепина, на которого я молился, когда только познавал азы кулинарного искусства.

И когда он только успел перекраситься в критики? Чудны дела твои, Господи.

«Безвкусно, попытка сочетать несочетаемое, вычурно, претенциозно – этим собиралась удивить, так называемая, звезда – Константин Яковлев. Такое ощущение, что он за-

стрял там же, где был десять лет назад, когда я пытался научить его хоть чему-то. Или так на него повлияли заграничные тенденции? Видимо, Яковлев уверен, что мы здесь в России щи лаптем хлебаем, решил удивить нас блюдами, которые уже лет пять как не актуальны для столицы».

Читать дальше этот бред было невозможно. Даже не верилось, что подобное могло выйти из-под пера Зацепина. Каким бы засранцем он ни был, все-таки как шеф Зацепин всегда был профессионалом, но та пурга, которую он нес в своей статье, больше была похожа на постик какого-нибудь разгневанного блогера, который путает фуэте и фуагра.

Стыдоба, по-другому и не скажешь. Не солидно для его возраста и положения. Неужели он до сих пор точит на меня зуб, спустя столько лет?

Учиться у него было честью, но уже через два года после начала обучения, ему больше нечего было мне дать. Ученик слишком быстро превзошел своего учителя.

Ему нужно было просто понять, что такова моя особенность: обостренные рецепторы, особое врожденное чутье на запахи, вкусы и их сочетания. Мне нужно было только подтянуть технику исполнения. И вместо того, чтобы это понять, и, возможно, открыть во мне как в ученике еще больший потенциал, Зацепин закусился с двадцатилетним пацаном.

Не серьезно.

Он почему-то никак не мог сначала поверить, а потом принять, что я подвинул его с пьедестала, и вот уже имя Ри-

ната Зацепина упоминается реже, чем имя Константина Яковлева. Ничего лучше, чем начать меня мочить, обесценивать и строить подланы, используя свой авторитет в ресторанном мире, он не придумал.

А мне в то время все что было необходимо – это наставник, который мне верит, и возможность расти дальше. Поэтому и уехал за границу. И это лучшее пока, что я сделал в жизни. Но, «есть время разбрасываться камни, и время собирать камни». Я вернулся домой, я добился того, чего хотел, а Ринат Зацепин, где был там и остался. И по-прежнему все, на что способен, – мелко гадить. То, что он теперь ресторанный критик, о многом говорит. Как известно, не умеешь играть в футбол – становись тренером.

Судьба не лишена иронии.

Но самая мякотка ждала меня в конце статьи.

Ну охренеть просто. Я как дочитал, подскочил на месте.

Опять эта резкая Аля!

«Наверное, проблема с блюдами шефа Константина Яковлева связана с тем, что думает он совершенно не о том, о чем ему следовало бы. На открытии вместо того, чтобы сосредоточиться на важном, он принялся обхаживать одну гостью, словно других гостей не существует. Профессионалы так себя не ведут. Нет ничего страшного в том, чтобы увлечься красивой женщиной, но всему должно быть свое место и время».

Это уже было чересчур. Увлечься? О чем он вообще пи-

шет? Что он несет?

Я бросил планшет на стол, чуть не расколов экран. Я даже не знал, кого мне сейчас хочется придушить больше Зацепина или эту девицу. В чем-то он даже прав. Меня так выбесила ее реакция и ее слова, что, и правда, выпал из происходящего. Мог бы и заметить, что Зацепин в зале. Я должен был контролировать происходящее, но я разбирался с какой-то дурочкой.

Очень, сука, красивой дурочкой!

Подъезжая к ресторану, я достаточно себя накрутил, чтобы кому-нибудь оторвать голову и очень надеялся, что она наберется смелости и все-таки появится. Если у нее и правда есть амбиции, она так и сделает. Я бы сделал, когда мечтал попасть на кухню к Зацепину. Плевать каким путем, но, если для этого мне нужно было бы работать уборщиком в его ресторане только бы быть поближе к своей мечте, меня бы ничего не остановило.

Ну, а если она решилась, что ж, сочувствую и добро пожаловать в ад.

Я прошел через гостевой зал вместо того, чтобы зайти через служебный вход, как это принято. Дальше мимо барной стойки в дверь, ведущую на раздачу, чтобы пройти через кухню дальше в административную часть. Такая привычка. Во-первых, персонал должен знать, что шеф на месте, во-вторых, необходимо сразу убедиться, что все на своих местах и заняты делом.

И стоило мне открыть дверь, как на меня со всего размаха налетела официантка с горячим чаем на подносе. Я даже не успел отреагировать и едва сдержался, чтобы не взвыть, когда чуть ли не кипяток выплеснулся мне на рубашку.

– Ой! – вскрикнула она.

И еще толком ее не разглядел, по голосу я понял, что это вчерашняя злыдня.

И правда, стоит в нашей форме: черная рубашка с галстуком, черные узкие брюки – классика, строгая, элегантная. Но как же до одурения эта форма подчеркивает хрупкую, солнечную, такую притягательно женственную, красоту чертовой Али!

«Вот же я идиот, что взял ее», – в который раз мысленно воскликнул я.

Я был почти уверен, что она специально меня облила чаем.

Или нет?

– Больно? – она глянула на меня снизу вверх этими огромными голубыми глазами так виновато, что весь мой гнев, который я сейчас собирался на нее обрушить, куда-то испарился.

– Очень. Радуюсь, что на кухню тебя не пустил, представляю, что бы там устроила, – сквозь зубы процедил я, чтобы не поддаться ее распахнутым глазам и не дать слабину, и поспешил к себе в кабинет.

– И правильно, что больно, – услышал я за спиной.

Нет, ну что за стерва. Сначала невинные глазки, затем злоба в спину.

Я обернулся, собираясь выдать что-нибудь эдакое или вообще сразу отправить ее восвояси. Но в этот момент из гостевого зала появилась администратор Дина и с перепуганными глазами выдала:

– Шеф, там люди какие-то, говорят, чтобы мы закрывались.

– Что за люди? Точнее можно?

– Пожарная инспекция, как я поняла.

– Отлично, как раз вовремя, – я глянул на испорченную рубашку. – Закрывай, буду разбираться, а ты, – обратился я к голубоглазой, – весь день сегодня тренируешься входить и выходить через двери с подносом. Дина, проконтролируй. Я хочу, чтобы она могла со сверхзвуковой скоростью пробегать через эту проклятую дверь и со встречным движением так, чтобы ни одна капля не проливалась и ни одна чашечка не звякнула. К гостям ее не подпускать!

– Да, Шеф, – отрапортовала Дина и разве, что под козырек не взяла.

Хорошая девочка. На своем месте. А вот голубоглазая снова попортила себе карму.

Глава 6. Биполярная биполярка

Я залетела в раздевалку для персонала. За мной неслась Дина, приговаривая:

– Клюковкина! Ну, кулёма и есть кулёма, ты же работала официанткой, все умеешь, как так-то? Снова стыд на мои седины!

– Дин, ну ты хоть не звени, прошу тебя! – огрызнулась я.

– Куда бежишь-то?

– Мазь от ожога есть у меня в сумке.

– Дай гляну, – Дина схватила меня за локоть.

Чай я не только на него вылила, но и себе на руку плеснуть умудрилась.

– Блин, покраснела, но волдыря вроде не будет и то хорошо, не очень правильно будет, если у меня официант с ошметками своей кожи будет блюда гостям приправлять.

Я достала из сумочки мазь, намазала руку и уселась на стул.

– Прости, Дина, подставила тебя?

– Да нормально все, Аля, ты какая-то растерянная, случилось что? – спросила Дина.

– Женя, – ответила я сглотнула холодный комок, застрявший в горле.

– Чего он опять? – Дина упёрла руки в боки и стала похожа на готовую ужалить моего обидчика кобру.

– Всё то же. Мы вчера опять поссорились. Он только рад, что меня в официантки Шеф выпнул, говорит, разницы никакой, услуга и есть услуга, хоть у плиты, хоть у столиков.

– Редкостный дурак, – чуть не выплюнула слова Дина. Затем успокоилась. – Ну это ведь не новость, он не понимает твоего восхищения кухней, запахами, вкусовыми тонкостями, жажды смешивать ощущения, м-м-м, даже я хоть и далеко от желания готовить, и то, восторгаюсь, когда ты мне начинаешь описывать блюда. Искусство! Вы всегда из-за этого спорите, вчера-то что особенного было?

Я вздохнула. Вспомнила, как после его обидных слов Женя приперся в спальню, залез под одеяло и как ни в чем не бывало, принялся сжимать мои бедра, просунул руку под футболку, заметив при этом «я ж тебе комбинацию покупал, что ты это уродство носишь, как обтрепа какая». До груди я ему дотронуться не дала. Отпихнула руку.

Женя обозвал меня стервой, которая думает только о себе и своих неинтересных интересах, а о нем, его будущем муже вообще не беспокоится.

Тот факт, что я жутко устала, день был крайне неудачный и закончился он ссорой с ним же, с этим будущим мужем, его не волновал. На робкие попытки оправдаться, усмехнулся и сказал: «Ну то есть, если мне будет неважно, я могу воспользоваться кем-то, ведь ты устала и занята и что-то там еще».

Все это я рассказала Дине.

– Нет, Дина, ты понимаешь? «Что-то там», он даже не пытается слушать. Мне как-то надо решиться и рвануть эти отношения. Я ничего не чувствую больше. Даже обиды нет, просто постоянное удивление, как долго я терпела его отношение. Просто он был первый, мы долго вместе. Я думала, он – мой будущий муж.

– Чего ты вообще возишься с этим мудаком? – вспылила Дина.

Она никогда не ладила с Женей, больше того – терпеть его не могла, и это у них было взаимно.

Тут дверь в раздевалку распахнулась. В проеме стоял Шеф-гад. Уже в черном кителе, глаза звенят металлом. Молчит. Но молчит так, что я покрываюсь мурашками. Дине он указал на дверь, а меня, попытавшуюся прошмыгнуть следом, схватил за локоть.

– Ты... – сказал он, стискивая зубы. Ну и злобный же мужик попался.

– Ай-ай, – закричала я, потому что он схватил меня за ошпаренную руку.

– Черт, да что такое? – испугался он и выпустил меня.

– Больно, – буркнула я.

Тут Шеф заметил невысохшие слезы у меня на лице после разговора с Диной. Его состояние в мгновение изменилось. Злость пропала, взгляд стал обеспокоенным, лицо расслабилось. Он взял меня за подбородок и приподнял. Второй рукой провел по мокрым щекам.

Вот это биполярка: всем биполяркам биполярка.

Но на деле я сама вдруг обмякла от его теплого касания. От вдумчивого взгляда. Его палец продолжал стирать мои слезы на щеках, затем на губах.

Из кухни кто-то крикнул: «Шефа срочно».

Шеф словно очнулся.

– Если из-за меня – не стоит плакать, – сказал он насмешливо.

Биполярка, я ж говорю.

Я дернулась из его рук и сказала:

– Вот это самомнение. Я про вас и думать забыла. Я о другом плакала. О ком-то, не таком кусачем и нервном. Вы на бешенство не проверялись?

Шеф раздраженно зашипел и, махнув рукой, отправился на кухню. Через минуту оттуда уже раздавался его зычный голос. Совершенно спокойный и хладнокровный.

Как мне хотелось посмотреть на него в деле. Когда он – Шеф, это чистая магия.

Я видела передачи с ним. Раз по миллиону перематывала на начало и снова смотрела.

Потому что он творит вкусовое наслаждение.

Как он тянет носом, раздуваются тонкие ноздри, все знают, что у него особо чуткое обоняние. Как он порой по запаху определяет степень готовности, или удачные сочетания ингредиентов. На кухне он не орет и не психует. Он словно король, одетый в пар и запахи, как в мантию.

Короче, я пробралась на кухню следом. Хотя мое место где-то в зале. Но ведь я терплю его характер из-за того, что он – Шеф, с большой вкусной буквы Ш. Значит, надо пользоваться моментом. Плевать на подносы и гостей.

Кухня. Металлическое, вычищенное до блеска. Аккуратные повара в кителях. Дым, огонь, жара, холод, стук ножей по доскам, звон поварешек по кастрюлям.

О боже, я в раю.

И Шеф здесь распоряжается. Не знаю, как долго я смотрела на него, кусала губы, мне так хотелось быть частью этого рая. Но вдруг Шеф повернулся и сквозь пар уставился прямо на меня.

Глава 7. Нет, Босс! Да, Шеф!

Я тут же ускользнула из кухни и помчалась к Дине.

Дина, красивая, изящная стояла у стойки хостес в облегающем черном платье, я даже залюбовалась – статуэтка. А вокруг неё толкались гости ресторана.

Дина не улыбалась, как обычно. Она была обеспокоена.

Лица гостей были отнюдь не радостными от того, что им предстоит попробовать особое меню этого заведения в шикарной обстановке. Я подошла поближе и прислушалась.

– Проверка. Будьте добры закрыть ресторан и провести нас на кухню.

Дина, увидела меня, мотнула головой в сторону кухни.

Я поняла и, сняв туфли, помчалась на кухню искать Шефа.

Мы столкнулись в дверях. Снова.

– Какого черта... – начал было он. Но я его перебила:

– Проверка. Там. Закрыть ресторан хотят.

В эту минуту мне стало жаль Шефа. Он в раз как-то полинял, осунулся. И я поняла, что он замотался и очень устал.

– Спасибо, – совершенно нормально, будто он вменяемый человек, сказал он. – Будь где-то рядом, вдруг понадобится. Спасибо, что предупредила. Неожиданная проверка всегда невесело, а так хоть...

Он не договорил, отодвинул меня и вышел к проверяю-

щим.

В этот день ресторан оккупировали проверяющие. Шеф дал распоряжение все им показать, а сам ушел в свой кабинет, проверяющие пообещали к нему попозже нагрянуть для проверки бумаг и отчетности.

Все стояли на ушах. А я просто наблюдала, протирала вилочки.

Когда они ушли, выписав какой-то дикий штраф, все выдохнули с облегчением. Шеф из кабинета не показывался.

Мы уже собрались принимать гостей.

Но не тут-то было. Двери распахнулись, я видела, как у Дины, стоявшей ближе всех ко входу, сползает с лица улыбка, которой она собиралась встретить посетителя.

– Роспотребнадзор, – представился вошедший и следом за ним вошла целая толпа деловитых и явно намеренных камня на камне здесь не оставить сотрудников Роспотребнадзора.

Я снова побежала к Шефу.

– Ты что сегодня вестницей зла заделалась? – уточнил он, выслушав мое сообщение. – Насколько помню, я тебя взял в официантки.

– Вы в курсе, что у вас что-то с психикой? В прошлый раз вы ответили «спасибо», например.

– Это на меня наваждение какое-то нашло. А вот сейчас я говорю как есть. Кто там пришел, говоришь?

– Роспотребнадзор. Кто-то пожаловался на тухлятину в нашем ресторане. Вот я думаю, может, у вас характер протух.

Шеф внезапно развеселился, хлопнул по столу, бросил свою гору бумаг и пошел к новым проверяющим.

Я крикнула ему в спину:

– Больше не стану вас предупреждать об опасностях, ясно!

Спустя полчаса допросов распотребнадзорщиков стало окончательно ясно, что Шеф, может и гений кулинарии и на кухне царь и бог, но в том, что касается управления рестораном в наших богоспасаемых широтах – полный ноль. Он не понимал одного: неважно, в порядке у тебя все в заведении или нет, главное – уметь общаться с представителями надзорных органов.

Он тряс перед ними какими-то документами, бесился от того, что не мог понять, как такое возможно, ведь все у него было с полным соблюдением всех норм, но они тем не менее постоянно находили какие-то нарушения, смысла которых он даже понять не мог.

«Эх, Константин Яковлев, не понимаешь ты тонкой душевной организации русского чиновника, слишком долго ты жил за границей», – думала я, глядя как он, стискивая зубы, холодно объясняет что-то упитанной даме в очках, спокойно что-то отмечавшей в документах. На даму его холодность действовала явно плохо, и он буквально зарывал себя все глубже.

Когда Роспотребнадзор закончил экзекуцию, я была уверена, что этим все не закончится. Не знаю было ли это ясно

Шефу, но мне было ясно точно, что этот навал на него явно неспроста.

– Добрый день, – представился очередной вошедший в ресторан, достал из кармана удостоверение и с плотоядной улыбкой окончательно приговорил этот день, – Санэпидемстанция.

И я снова побежала докладывать Шефу. Не хотела, чтобы это стало для него неожиданность. Только ответить я ему не дала, крикнула в открытую дверь – санэпидемстанция, и тут же ушла.

Все гремело, шуршало и орало до позднего вечера.

Шеф, конечно, реально с тухлым характером, но мне было жалко видеть, как его, такого аккуратного в делах, в которых как оказалось, он плохо разбирается, такого талантливого на кухне, макают в грязь снова и снова. Словно хотели на корню загубить.

Хм, а это мысль.

Когда проверяющие ушли, я сварила в баре кофе и сделала свои особые горячие бутерброды, воспользовавшись тем, что кухня простаивала.

А затем сгрудила все на поднос и понесла Шефу.

– А, это ты! Тебе сюда нельзя, и всех своих друзей, которых ты сегодня мне представила, посылай к чертям, – сказал он, когда увидел, как я спиной протискиваюсь в кабинет.

Я повернулась к нему, подошла к столу, поставила на кипу бумаг поднос и сняла крышку с тарелки с бутербродами.

Шеф закусил губу. Ноздри его расширились. Так бывает всегда, когда он пробует «на запах» еду.

— Ну не хотите, как хотите, — сказала я и потянулась к подносу, чтобы его унести.

— Это оставь. Кто готовил?

— Вестница зла.

— Хм. Сядь.

Я послушно уселась и, как прилежная ученица, сложила руки на коленках.

Он взял бутерброд и надкусил. Потом еще. И в два приеста закончил первый. Потянулся за следующим. Зашло. Я воспряла духом. Вдруг оценит мои возможности и даст мне место на кухне. Помощником повара.

— Алина Клюковкина, значит, — вдруг сказал он. Затем порылся в бумагах и выудил оттуда анкету с моим фото и резюме.

Шеф читал внимательно анкету и в удивлении дернул бровью. Я была почти уверена, что сейчас он смотрит в графы, где расписан мой опыт работы поваром, отзывы моих учителей. Мое сердце пустилось вскачь. Он сейчас все оценит, все поймет и даст мне шанс.

Мне стало спокойно.

Он ел и читал.

Я смотрела на его жилистые, сильные руки. Китель он снял еще утром, был в рубашке, рукава на рубашке заката-

ны до локтей. Смотрела на его строгое, красивое лицо. Мне было странно и смешно, что мы так глупо начали. Но я так долго им восхищалась, так привыкла вычитывать его слова из интервью, смотреть передачи с ним, пробовать рецепты, которые он давал в открытом доступе, я не могла никак всерьез воспринять, что он такой гад, каким себя показал. Сейчас вот все изменится.

Я была почти счастлива.

– Я думаю, перевести тебя в посудомойщицы, – сказал он, и я даже не сразу поняла смысла этих слов. Настолько я ожидала другого. – Для официантки ты не годишься. Ты разлила на меня утром кипяток, до сих пор болит. Еще гостей обольешь.

Когда я поняла, что значат эти слова, все во мне забурило.

– Да с чего бы это! – взъерепенилась я.

– Хочешь здесь работать, слушай, что тебе говорит босс.

– Босс? Да из вас босс, как из меня шахтер!

– Это уже ни в какие ворота, – он поднялся из-за стола и тут же поморщился, тронув то место, куда я утром плеснула горячий чай. – Если ты хочешь здесь работать, будешь делать, что тебе говорят.

Я вскочила с места, не собираясь терпеть, как он надомной нависает.

– Смотря, кто говорит! Потому что босс из вас никакой, вот когда вы – шеф, другое дело. Так что, нет, босс.

– Тогда шеф, если уж на то пошло, развела тут софистику, – он опустил обратно в кресло, удивленный.

– Это уже другое дело. Да, шеф, как скажите.

Я знала, что это сработает. Потому что, как шеф-повар он – царь и прочее прекрасное. А то, как он сегодня облажался в качестве босса – мы оба знаем. Да и как босс он слишком вредный.

К тому же шеф на кухне принимает только один ответ на все, что он скажет – да, шеф! Это как «так точно» в армии. И, если угодно, первый признак того, что повар понимает, что к чему на кухне.

– Ладно, – он немного расслабился, – еще один шанс. Если учудишь, спишу в судомойки.

Я достала из кармана фартука мазь от ожогов и положила перед ним на стол.

– Это поможет, – сказала я и вышла из кабинета.

Я слышала, как он встал с места и не удержалась – остановилась и мельком заглянула в кабинет. Шеф расстегнул рубашку и открыл тюбик с мазью.

«Просто великолепная скотина», – подумала я, глядя на его мощный мускулистый торс и упругий накаченный пресс. Нужно было рвать отсюда когти, но я не удержалась и крикнула:

– И наймите уже нормального директора в ресторан, видно же, что бумажки и общение с людьми – это не про вас.

Он открыл было рот, но я уже рванула на выход, пока не

прилетело.

Глава 8. Нехороший разговор

Из ресторана мы вышли вместе с Диной. Она была вымотана, но лицо её светилось – Дина улыбалась мне, теплому вечеру, ночным огням.

– Ну что, Клюковкина, живем! – Дина раскинула руки и закружилась на своих шпильках.

Я засмеялась. Схватила Дину за руки, и мы вместе закружились в шутовском танце.

Я обернулась и глянула на окна ресторана. На нас смотрел Шеф. Просто князь тьмы, и взгляд обещающий кошмар моей жизни.

Но сейчас мы дурачились, чтобы выветрить из себя напряжение, усталость.

Дина не видела Шефа, он не отходил от окна, я не решилась ей сказать.

Просто потащила прочь от ресторана.

Всегда поражалась тому, сколько в Дине улыбочивого счастья. Я и сама рядом с ней расслаблялась и начинала относиться ко всему легче. Вот и сейчас, только вышли на улицу, как я махнула рукой на Шефа, на жуткий денек, да на все вообще.

Казалось, из-за этого заряда внутреннего счастья, ничто не может сломить или одолеть мою Динь-Динь. Сегодня она фактически отбила атаку на ресторан. Потому что она была

лучшей в своем деле, ну не в отбивании ресторанов от проверяющих, конечно. А вообще в управлении.

Я знала, какие у нее цели, и я знала, чего ей стоит такая трудоспособность.

Одиночество – ее расплата. У нее красивой, полной ласковой любви к людям – не было никого.

Но Дина не унывала.

Иногда, мне казалось, что и мне нужно так же. Сосредоточиться только на своем деле и на своем пути. Но я сражалась с какими-то идиотскими препятствиями.

Одно препятствие – Женя и его «зачем быть поварихой, иди в модели».

Второе препятствие – Константин Яковлев и его «женщинам не место на моей кухне, иди в посудомойки».

Можно я просто займусь своим делом, тем, на что училась, к чему готовилась на практиках?

Где найти счастье быть понятой? Бывает ли вообще в жизни так, чтобы человек, который рядом с тобой, полностью разделял твои взгляды? Или совместная жизнь – это всегда попытка прийти к жалкому компромиссу между тем, чтобы быть собой, и тем, какой хочет видеть тебя другой.

Ох, Женя. Я только представила осуждающий взгляд моего жениха, и меня передернуло.

Идти домой не хотелось.

Пошел мелкий дождь, сбрызнул наши лица.

Стало неуютно, захотелось в тепло, под одеяло, вытянуть

зудящие от беготни ноги. Но дома...

– Ну, как тебе первый день, Клюковкина? – спросила Дина, тыкая коготком в экран телефона – вызывала такси.

– Умопомрачительный. От слов «ум» и «помрачился», – ответила я и тяжело вздохнула.

– То ли еще будет! – то ли ободрила, то ли предостерегла Дина.

Подъехало такси, и я с тоской глянула на улицы и на небо. Я собиралась бесцельно пошататься по городу, только бы не идти домой. Но дождь накрапывал все сильнее, словно намекая, что выбора у меня нет.

Моя чуткая Дина почувствовала это настроение:

– Что ты как не родная. Я же вижу, как тебе не хочется ехать к твоему этому любителю моделей. К черту его, поехали ко мне, – предложила она, – у меня есть бутылочка замечательного красного сухого, отметим твой первый день.

– Завтра же на работу.

– И что? Не жить теперь?

– А поехали, – согласилась я, и мы уселись на заднее сиденье такси.

Я отправила сообщение Жене: «Останусь у Дины».

И тут же раздался входящий звонок.

– Что-то я не понимаю, тебя теперь и по ночам дома не будет, – разорался Женя, когда я ответила на звонок.

Как-то он сразу перешел на крик, даже без разгона.

– Жень, – я старалась говорить шепотом, – я очень устала,

не кричи, пожалуйста.

– Да какого хрена, Аль! – он заводился все больше, – может, Дина – это отмазка? Куда ты собралась? С Шефом все сложилось? Оплата за прием на работу?

– Ты дурак, что ли? – рывкнула я, уже не стесняясь ни Дины, ни водителя, – причем здесь это?

– Да при том!

– Жень, ты ревнуешь?

Такое с ним бывало, но впервые мне это было неприятно. Раньше я его ревность воспринимала, как своего рода доказательство того, что он меня любит. Но сейчас это меня только злило.

– Ревную? Да это просто ненормально, я не хочу, чтобы моя будущая жена не ночевала дома. Никаких Дин, дуй домой!

– А что меня ждет дома, Женя? – уперлась я уже из принципа.

– Я тебя жду, что за вопрос?

– А зачем ты меня ждешь, Жень? Может, для того чтобы позаботиться обо мне после тяжелого дня? Может, дома меня ждет вкусный ужин, уют, покой? Или ты меня ждешь для того, чтобы в очередной раз рассказать мне, что я занимаюсь какой-то херней? Что у нас только ты думаешь о будущем и стоишь грандиозные планы? Зачем ты меня ждешь, Женя?

– Вкусный ужин? Вроде бы это ты у нас повар, – я услышала, как он усмехнулся, – ты будешь пропадать где-то, а я

тебе ужин готовить, так ты себе это представляешь. Ты ничего не перепутала, кажется, все должно быть наоборот.

– Жень, из нас двоих дома сидишь ты, я напомним на всякий случай. Я понимаю, у тебя стартап, ты целыми днями за компом, я все понимаю, я знаю, что у тебя все получится, но сейчас, вот на этот самый момент из нас двоих работаю только я. А ужин, мог бы и заказать.

– И что, что ты работаешь, а я, как ты говоришь, дома сижу?! Я не на твои деньги сижу!

– Жень, тебе не кажется, что этот разговор заходит слишком далеко? – у меня от его крика уже разболелась голова. Меня потряхивало. Я понимала, что, если он продолжит в таком духе, я скажу что-нибудь такое, о чем могу завтра пожалеть.

– В моем сидении дома хоть какой-то смысл есть. Я что-то стоящее пытаюсь сделать, а ты, что делаешь ты, Аля?

– Ты знаешь, что я делаю. И ключевое слово здесь – делаю, а не пытаюсь. Да, мы не живем на мои деньги, на них живу я сама, в отличие от тебя, – я прикусила губу, понимая, что вот и болтнула лишнего.

– Ну, давай продолжай, – я буквально увидела перед глазами, как Женя встал в позу, как он любит, сложив руки на груди, глядя куда-то в сторону.

Всегда бесило это, в такие моменты он мне напоминал обиженного ребенка.

– Да, Жень, в отличие от тебя, которого до сих пор содер-

жат родители. А стартап – это важно, конечно, стоящее дело, угу.

– Знаешь, что!..

Я отбила звонок, уже понимая, что сейчас будет очень длинная и очень яростная тирада.

Дина взяла мою руку и крепко сжала.

– Я все слышала, он очень громкий тип, так что я в курсе, – сказала она.

Я глянула на нее, чувствуя, как к глазам подступают слезы. Меня душил обида, я так устала быть постоянно виноватой, постоянно оправдываться, что-то объяснять, что-то доказывать. Хотелось просто человеческого понимания, я уже не говорю о счастье.

– Бутылочка красного сухого, Клюковкина, и прошутто, и сыр, ииии... забей, Аль, я же поклялась тебе, что все будет хорошо.

Перед глазами стоял образ Шефа в темном окне.

Его странные перепады настроения.

Его жилистые руки.

Его сосредоточенный, въедливый взгляд.

Я подумала, что завтра снова выйду на работу, и меня окатило радостью. Вопреки всему. Может, Женя что-то чувствует?

Глава 9. Худшая концовка дня

Яблонево-черемуховый запах весны. Алины Клюковкиной.

Фамилия вкусная. Запах вкусный. А девка – ядовитая. Но как же она дурманит!

Она вышла из кабинета после моей угрозы списать ее в посудомойки, но оставила после себя этот свежий яблонево-черемуховый запах. Едва уловимый, но не для моих обостренных рецепторов. Наверное, это впервые, когда меня не раздражает купаж из женских ароматов косметики и парфюма. Я с полуметра чувствую даже запах губной помады, надо ли говорить, как непросто мне даются любые навязчивые запахи?

Но Алиной – не надышаться.

Хм, а мазь ее и правда помогает. Ожог почти перестал беспокоить.

Сбагрил ее в официантки, чтобы на кухне не попадалась, так она весь день все равно была рядом – словно ожог от нее каждый раз. Где бы найти мазь – замазать, чтобы не жгла своим то заботливым, восхищенным, то разъедающим, злым взглядом.

Уволить к чертям, но не могу.

Я будто ожил, что ли.

Схватить бы ее за руку, притянуть к себе, впиться в мяг-

кие податливые губы, засунуть язык в ее влажный рот, чтобы не высказывалась, прижать к стене, руки вверх задрать, чтобы не сопротивлялась. От чего-то представляется, что она дерзкая и в сексе, безудержная, как и ее колкости. И это туманит мозг.

Чувствую себя идиотом в какой-то последней стадии.

Закончится плохо, бабам нельзя доверять, я ж не дурак, все понимаю.

Но как сопротивляться?

Выгнать, забыть. Не будь дураком, просто сделай это.

Я же вместо того, чтобы сегодня проблемы решать, весь день искал ее взглядом. И даже сейчас вместо того, чтобы хотя бы попробовать разгрести завал, думаю не о том, о чем следовало бы. Не очень хороший для меня знак.

Да хреновый знак, что уж!

Если я собрался разобраться со всеми предписаниями, что оставили сегодняшние проверяющие, если я хочу привести все документы в порядок, придется переселяться в этот кабинет на постоянное место жительства.

Впервые я решил полностью самостоятельно вести дела, без наемного управленца и тут же потонул. Это никуда не годиться. У меня просто не будет времени заниматься кухней. Об очередной мишленовской звезде можно забыть. Еще Зацепин этот со своей статьей! Да, не так я представлял свое триумфальное возвращение.

«И наймите уже нормального директора в ресторан, видно

же, что бумажки и общение с людьми – это не про вас», – вспомнил я слова Алины.

Не в бровь, а в глаз.

Очередной ожог от Алины.

Повертел мазь от ожога в руках, но написано принимать только наружно. А ожог-то от нее внутри.

Я тряхнул головой, чтобы выкинуть ее уже из головы и снова закопался в бумаги. Но строчки и цифры плыли перед глазами, и я понимал, что никогда с этим бардаком не совладаю.

Телефон брякнул уведомлением. Я глянул на экран и невольно улыбнулся, будто вселенная услышала мой запрос и тут же ответила словами моего хорошего друга:

«Видел статью Зацепина, он крепко за тебя взялся, ты там как вообще?», – прочитал я сообщение от Дениса.

«Вот кто может меня спасти», – подумал я и набил ответ:

«Будто меня каток переехал».

«Есть время? Подъезжай, вместе со своим катком».

Мы с Денисом друзья со школьной скамьи. И даже, когда я уехал за границу, наши отношения не изменились. А теперь, когда я вернулся, он вообще остался единственным человеком, которого я мог бы назвать близким.

Денис всегда шел своей дорогой, его таланты развивались как раз в той области, где я был абсолютным профаном – антикризисное управление. Блестящий экономист-практик, Денис сейчас мог бы оказаться моим спасением, на что я,

признаться, очень надеялся, пока ехал с ним на встречу.

Наши взгляды на жизнь отличались порой кардинально, но кое в чем мы с ним были все-таки единомышленны: и я, и Денис – убежденные холостяки. У каждого за плечами непросто-история взаимоотношений с женщинами, после которой охоту к совместной жизни с представительницами прекрасного пола отбивает напрочь. Но Денис все же немного мягче меня и время от времени позволяет себе поиграть в романтические отношения. Думаю, он просто лучше себя контролирует и каким-то образом умудряется не погружаться в такие отношения настолько, чтобы это стало чем-то серьезным.

Этому стоило бы у него поучиться, если такому вообще можно научиться.

Меня хватает только на то, чтобы довести вечер свидания до постели.

Не знаю, на что надеются эти девки со мной: спасти меня от холода и одиночества, растопить мое каменное сердце, смягчить тяжелый характер. Не на того напали, курочки, я тяжело добивался побед, один. Вопреки всему, без поддержки. А это, знаете ли, закаляет не по-детски. Найдите плюшевого мишку, выращенного в любви и принятии, в которого верят его родители и любимая девушка, и ждите от него милоты и плюшевых обнимашек.

Но не от меня.

И как бы хорошо не было, уже утром я не могу смириться

с тем, что со мной в замкнутом пространстве находится женщина. Меня бесит в них все, что идет дальше секса. Особенно это их стремление к тому, чтобы свить гнездо. Стоит подпустить хоть немного ближе, и уже она что-то там шебуршит возле меня, строит какие-то планы, видит какое-то будущее. И все это кажется таким естественным и даже умиляет, пока не вспомнишь, что все их слова – мишура.

Однажды я ради забавы заявил одной такой, уже начавшей носить веточки в мою квартиру, для того чтобы свить гнездо: «Я банкрот, все рестораны забирают, все пропало, квартиру придется продать». Только вот эти веточки от непостроенного гнезда и остались. Как ветром сдуло.

Денис, бывало, говорил: «Костя, ты слишком сильно веришь в то, что они все такие, так веришь, что только таких и притягиваешь. Мир, а тем более женщины, сложнее чем ты об этом думаешь».

Спорить с ним было бесполезно, как и бесполезно убеждать меня. В ответ я только спрашивал: «Чего же ты сам тогда один?».

На что он только пожимал плечами.

Денис ждал меня в одной из забегаловок в центре. Он знал, что меня невозможно затащить ни в какое подобие ресторана из-за моей профдеформации. Но вот забегаловки – это мое: чебуречные, пельменные, а лучше всего какая-нибудь быстрая еда с несовместимыми с человеческой жизнью бургерами.

Когда он, бывало, меня спрашивал, почему я со своим отношением к кухне и еде спокойно отношусь к подобным заведением, я ему рассказываю анекдот про мужика, который прятался от мужа любовницы в шкафу с платьями, пропахшими французскими духами. Когда он из этого шкафа выбрался, сказал: «Дайте быстрее дерьма понюхать».

Нельзя сделать мир лучше, если не замечать в нем ужасного. Скажу так, после таких забегаловок я полон вдохновения сделать мир лучше. А если съесть какую-нибудь привокзальную шаурму, можно так вдохновиться, что на завтра получится потрясти все основы мироздания.

Сегодня Денис выбрал лучшее, что вообще было возможно, – по-настоящему темную сторону мира кулинарии. В полуподвальном помещении под вывеской «Самса халяль» я попрощался со своим желудком, но смело шагнул на встречу неизвестности.

Денис широко улыбнулся, заметив, как я сморщился, когда вошел в это мрачное место.

– Как тебе? – спросил он и развел руки, приглашая обняться.

– Идеально, – ответил я, и мы крепко обнялись.

– Я все предусмотрел, – Денис достал из кармана плоскую фляжечку.

– Противоядие? – спросил я.

– Так точно!

Столов здесь не было. Вдоль стен тянулась стойка, где сто-

или салфетки и несколько бутылочков с какими-то соусами.

Через минуту на бумажных тарелках перед нами лежало по самсе. Денис плеснул из фляжки противоядие в пластиковые стаканчики.

Я тут же узнал аромат качественного коньяка, которому место в достойной коллекции.

– А ты знаешь толк в извращениях, – я взял самсу с тарелки и в другую руку стакан с коньяком.

– Чтобы понять, как высоко ты поднялся, нужно не забывать, где ты был, верно?

Денис сделал то же самое.

– Верно! – я надкусил самсу, ожидая вкусового шока, но та оказалась на удивление хороша. Прекрасная свежая баранина, лука и специй в меру, превосходное тесто.

У Дениса, как и у меня случился когнитивный диссонанс.

– Ну, что тут скажешь, – подытожил я, – браво повару.

– Рассказывай про каток, который тебя переехал, – с аппетитом уплетая самсу, начал Денис.

После того, что я поведал, он только покачал сочувственно головой и налил нам еще коньяка.

– Слушай, дружище, выручай, давай ко мне управляющим, что скажешь? – спросил я.

– Костя, с друзьями вести дела? Хуже вряд ли можно что-то придумать, – ответил, немного подумав, Денис.

– Дэн, хотя бы на время. Не могу я нанять абы кого, мне нужен человек, которому я как себе могу доверять. Нала-

дишь все как нужно, поставишь вместо себя кого-нибудь стоящего потом. Выручай.

— Ладно, я подумаю, но с тебя услуга за услугу.

— Все, что угодно, — тут же согласился я.

— Следующую свою звезду Мишлен отдашь повару, который эту самсу делает.

Моя квартира снова встречает меня холодом стерильной чистоты. Я подумываю о том, чтобы вообще все здесь затянуть пленкой, все равно ничем не пользуюсь, кроме душевой и дивана. Не квартира, а музей одиночества.

Время уже за полночь, но я знаю, что заснуть не получится. Проворочаюсь до утра в полудреме так и не поняв, спал вообще или нет.

Я сажусь с ноутбуком на диван и долго туплю в картинку на рабочем столе, не понимая чего хотел. Машинально, не понимая, что делаю, я нахожу в сети профиль Алины Клюковкиной и залипаю на фотографии.

Черт, я совсем этого не ожидал.

Где стандартный девчачий профиль, сплошь в «смотрите какая я красивая во всех возможных позах, вариациях и интерьерах»? Где девчачья милота про милую девчачью жизнь? Особенно такой красивой?

Да, профиль был сплошь забит ее фотографиями, но эти фотографии с кухонь, везде она в поварском кителе, много интересно оформленных блюд. Я отметил, что одно настоль-

ко хорошо смотрится, что даже украсило бы и мое меню.

Я пролистнул дальше. Фотография, где Алина хвастается новым кухонным ножом. Что ж, нож действительно прекрасен. Стоило мне только взглянуть на лэйбл у рукоятки, я присвистнул. Только человек действительно что-то понимающий в профессиональных шеф-ножах мог выбрать этого японского красавца.

Я поймал себя на мысли, что уже с интересом разглядываю фотографии, натываясь на одну из редких не на кухне. Алина в купальнике на каком-то пляже, видимо где-то на отдыхе за границей. Взгляд скользит по линии бедер, выше и останавливается на груди. Я будто ищу какой-нибудь изъян, но она великолепна. Совершенно не вяжется ее внешность и выбор профессии. Ей бы на подиуме блистать или что-то подобное. Женщинам с такой внешностью судьба обычно расстилает под ноги красные ковровые дорожки. Она этого не знает?

Не верю.

Знает точно.

Тогда почему не пользуется?

Мне начинает не нравится, что не получается ее разгадать. Это немного напрягает, я уже давно не чувствовал подобного. Алина интригует тем, что я никак не могу составить о ней однозначного мнения.

Хочет быть поваром, но дерзит шеф-повару.

Если хочет завоевать своей красотой, то какого черта так просто одевается и не краситься совсем?

Одни вопросы.

Словно мне показали только самый краешек чего чрезвычайно интересного и опустили занавес. И теперь мне очень хочется заглянуть за этот занавес.

Замаячившее уведомление о личном сообщении, словно вторит моим мыслям, и у меня даже успевает перехватить дыхание. Я почему-то подумал, что это от нее и почувствовал себя будто вор, застигнутый на месте преступления.

Нет, не от нее. Обычно я вообще их никогда не читаю, копятся годами, но сейчас меня что-то дернуло глянуть.

«Привет. Слышала ты в Москве. Столько лет не виделись, может, не хочешь встретиться?», – и смайлик.

Я даже не сразу сообразил кто это, но в груди шевельнулся неприятный холодок. Я щелкнул на фотографию перешел в профиль, и тут же холодок в груди превратился в обжигающий огонь злости. Катя, та самая Катя, что ушла от меня, «не желая влачить, – как она сказала, – нищенское существование».

Я хлопнул крышкой ноутбука.

Хуже этот день закончиться попросту не мог.

Глава 10. Все дальше от мечты

Ничего хуже не может быть, чем первый гость, как только открылись двери ресторана. Все должно уже быть готово и вроде бы все и готово, но на самом деле, все еще расслаблены и ведут себя как сонные мухи.

Кухня уже пыхтит, но обязательно этот гость закажет что-нибудь такое, что было с утра упущено. И официанты все на местах, но еще не раскачались и косячат.

Я притулилась у барной стойки и смотрю, как Дина, сочетающая и функции администратора, и хостес, и директора, и черте знает еще кого носится по залу, а нашего драгоценного звездного шефа все нет.

От каждого стука дверей мое сердце ухало в пятки. Мне это не нравилось. Но я ждала Шефа. Он зачем-то просматривал мой профиль в сети, поставил лайк на фото с ножом поздно вечером.

Зачем? Специально или нечаянно поставил лайк? Чтобы что – одобрил выбор ножа? Зачем он смотрел мой профиль? Ему резюме не хватило?

Я кусала губы. Эта маленькая деталь – Шеф изучал мой личный аккаунт – била током. Будто между нами провода.

Дверь хлопнула. Не Шеф. И вот он – первый гость. Не входит, а всплывает. Оглядывается с легким пренебрежением во взгляде, с этакой ленцой хозяина жизни. Но хорош, чер-

тяка: статный, высокий, аккуратная щетина, из-под бровей блестит острый взгляд, на госте рубашка, сидит как влитая по фигуре, темные брюки, на ум только и приходит – поро­дистый.

Я невольно сравнила его с Шефом. Было что-то в них по­хожее, эдакие хозяева жизни.

Тут же на ум пришел Женя. Женя изображал из себя та­кого, он одевался модно, он вел себя нарочито уверенно, за­ходил в дорогие бутики, как к себе домой, но это было по­казное, внутри он не чувствовал себя так, как ощущали это мой Шеф и вот этот вот утренний посетитель.

Дина мельком глянула на меня, выразительно дернула бровью. И зацокола каблуками ему навстречу. Я заметила, как она на ходу поправила локон, а восьмерки, которые она выписывала бедрами, говорили только об одном – в кои-то веки Дине кто-то вот так с первого взгляда понравился. Очень привередлива моя Динь-Динь, но этот экземпляр ее чем-то зацепил.

Гость же не отводил от нее пронзительного взгляда, даже исчезло его равнодушное выражение лица.

Дина усадила гостя, подала меню, но сцена затягивалась. Я не слышала у барной стойки, что там за разговор, видела только, как гость откинулся на спинку стула и, не отрываясь, смотрит на Дину.

Дина смущалась. Она не показывала этого, но я-то знала характерные ее жесты: вот уже десятый раз трогает волосы,

постукивает каблукочком. Надо же, он ей понравился.

Я улыбнулась.

Но тут гость поманил Дину пальцем. Тоже мне мачо. С Диной и вот так? Дина резко выпрямилась, искренняя улыбка погасла. Лицо теперь было каменно-доброжелательным, все-таки она профессионал своего дела.

Дина все же наклонилась, гость действительно что-то ей сказал на ухо и в тот же момент, будто это в порядке вещей провел рукой ей по заднице.

Я вспыхнула так, будто это со мной происходит.

Охреневший!

Захотелось подбежать и обрушить на голову этому гаду поднос. Но Дина с королевским достоинством и небрежно двумя пальцами, словно это гадость какая-то, отвела его руку и громко, так, что я это слышала, бросила:

«Держите себя в руках!»

Она резко развернулась и пошла в мою сторону. Дина была белой, как мел. Верный признак – злится. Но на лице безразличие, мол, и не таких видали. Дина сжимает кулаки, представляю скольких сил ей стоило, чтобы не отвесить пощечину. Мне бы ее профессиональную выдержку.

– Аля, примешь заказ? – процедила она сквозь зубы, когда подошла ко мне.

– Его выставить нужно, а не заказ принимать, – вспылила я.

– Знаешь, так глупо, он мне очень понравился с самого

начала. Я прямо поплыла. А потом вот это. Фу. Так облажаться.

– Давай что-нибудь придумаем, – я злилась за Дину.

– Спокойней, Аля, спокойней, оглянись, у нас даже охраны нет, не знаю о чем Шеф думает, лучше сейчас на тормозах спустить.

– Угу, – кивнула я с многозначительным видом и пошла к столу.

Я уже была готова обороняться, но на меня он не обратил никакого внимания. Сделал заказ, даже не глянув.

Через десять минут я толкнула двери с раздачи и прошла мимо Дины с заказом на подносе. Как-то многовато он заказал для этого позднего завтрака. Словно специально выбирал такие блюда, которые скорее всего в это время будут готовиться дольше обычного.

«Неужели он все это собирается сожрать», – думала я, шагая к столу.

И чем ближе я подходила, тем яснее мне становилось, что я сейчас сделаю. Уже в шаге от стола я делаю вид, что запинаясь, и с огромным удовольствием опрокидываю поднос со всем содержимым на нашего драгоценного гостя.

Грохот, яркие брызги битого стекла, звон приборов – все как я люблю!

«Выкуси, гад», – торжествую я, глядя как он вскакивает с места весь в ошметках еды.

– Ой, я так виновата! – я делаю ужасно виноватые глаза,

и прикрываю ладонью улыбку на лице.

И в тот же момент чувствую за спиной тяжелый, как бетономешалка, взгляд.

Я медленно оборачиваюсь и прикусываю губу. Передо мной стоит Шеф, сложив руки на груди и кажется, сейчас он меня прибьет.

«И когда он только успел заявиться?» – только и успеваю подумать я.

– Я же говорил тебе, еще раз, и в судомойки, – его голос звучит, как приговор.

– Но он..., – собралась я было защищаться, но Шеф только пренебрежительно махнул рукой, как бы говоря, чтобы я исчезла нафиг отсюда.

Подскочила Дина, видимо собираясь улаживать конфликт, но в этот момент Шеф, вдруг начинает ржать, как конь, глядя на гостя. Мы с Диной переглядываемся в недоумении.

– Ну, как тебе обслуживание, Дэн? – сквозь смех спрашивает гостя Шеф.

– Выше всяких похвал, Костя, просто блестяще, как раз для ресторана, который претендует на Мишленовскую звезду.

Они жмут друг другу руки, а мы с Диной вообще перестаем что-либо понимать и только стоим и хлопаем ресницами в унисон.

Тот, кого Шеф назвал Дэном, выходит из-за стола, смахи-

вает с рубашки салатную зелень и с улыбкой говорит Дине:

– Я прошу прощения за свое поведение и за такой грубый стресс-тест. Другой возможности изнутри глянуть на поведение персонала в полевых условиях, после знакомства уже не будет. Я Денис, ваш новый управляющий.

«Ну все, мне конец», – подумала я и поспешила было ретироваться из зала, чтобы не усугубить свое положение.

Но Шеф меня остановил:

– Сегодня дорабатываешь официантом, завтра выходишь на кухню судомойкой, как я и обещал. Тебя вообще, по всей видимости, к людям подпускать нельзя. Ты еще поваром собиралась быть, а если ты отравишь кого-нибудь, вступаясь за справедливость, честь и достоинство кого-нибудь?

Шеф смотрел на меня странным взглядом. Будто ему меня жалко, но в то же время он борется с собой. Но это было лишь мгновение прозрения.

Я стряхнула с подноса остатки салата на брюки Шефа. Нечаянно.

И Шеф перестал меня жалеть.

Меня всю колотило. Я готова была сказать все, что о нем думаю, а ничего хорошего я сейчас о нем, естественно не думала, но я стиснула зубы и держалась.

– Шеф, это я виновата, – попыталась меня защитить Дина.

Мы с Шефом смотрели друг на друга, как приклеенные. Я не собиралась отводить взгляд, потому что я вот-вот заплачусь, если это сделаю. А он сверлил меня до дна, видимо,

пытаясь что-то понять. Удачи!

– Да никто не виноват, Костя, не горячись, – неожиданно за всех вступился Денис, – у тебя тут бардак, даже охраны нет. А если бы реально какой-нибудь неадекват зашел? Кто бы за девчонок вступился? Вот им самим себя защищать и пришлось.

– Это не защита, это месть, правда, Алина? – спросил меня Шеф.

Я ничего не отвечала, понимая, что, если сейчас начну говорить, это будет последнее, что я скажу в этом месте, и больше меня здесь не будет. Вместо того, чтобы защищаться, я уперлась и держалась всеми силами.

– Дина, выдашь ей форменную одежду для ее новой должности. Все, свободна, – бросил он.

Я глянула на него так, будто собиралась выцарапать ему глаза. Я чувствовала, что у меня от злости раздуваются ноздри, как у бешеного быка. Шеф ухмыльнулся, словно ожидал такой моей реакции и будто ждал, что я сейчас исполню.

Ситуацию спасла Дина. Она схватила меня за руку и потащила из зала, обезоружив этих гадов самой обворожительной улыбкой из своего арсенала.

– Так, Клюковкина, не кипишуй, что-нибудь придумаем, только не истери и не испортить все окончательно, – причитала она.

– Дина, но...

– Я знаю!

– Ну, это же...

– Да! За мной, Клюковкина!

– Скоти-и-ина, – разревелась я.

– Точно! Оба два!

– Я та-а-аак не мог-у-у больше-е-е, – всхлипывала я на прицепе у Дины, когда она уже тащила меня через коридор мимо кухни к подсобному помещению.

– Можешь, Клюковкина! Не отступать и не сдаваться.

Наконец, мы оказались у подсобки. Дина открыла дверь, покопалась на полках.

– Так, у тебя такой же размер, как и у меня вроде? Вот, держи, – она выдала мне зеленую спецовку судомойки в пластиковом пакете.

У меня уже даже плакать сил не было. Я только смотрела на эту долбаную спецовку и все, о чем мечтала, осыпалось у моих ног осколками.

– Смотри, здесь же всякая химия, которая тебе может потребоваться, губки, тряпки и все такое. Все, разговоры потом, Аля, и слезы потом, мне нужно с этим новым управляющим разругивать. Прости.

Я кивнула, понимая, что у Дины сейчас аврал.

Она ушла. Я закрыла дверь и осталась в подсобке. Уселась на перевернутое ведро и ни думать, ни плакать уже не могла. Я была почти уверена, что этот день еще здесь как-то доживу, но я не знаю, что должно такого произойти, чтобы я завтра вышла сюда работать судомойкой.

Я представила, что скажет мой жених. Я буквально увидела его недовольную, но вместе с тем торжествующую усмешку. Стало настолько тошно, что у меня закружилась голова, а перед глазами поплыли разноцветные круги.

Сейчас казалось, я ненавижу весь мир сразу и себя в том числе.

«Боже, какая же я дура, на что я вообще надеялась?», — спросила я сама себя и с яростью запустила пакет со спецовой в стену.

Глава 11. Некуда бежать

Я кое-как доработала этот день. Ресторан закрылся и опустел. На кухне гудела ночная смена поваров, делающих заготовки на следующий день. Я с тоской смотрела, как они шуршат, на эту, со стороны кажущуюся хаотичной суматоху и представляла, что когда-нибудь тоже окажусь здесь.

И не просто окажусь, я буду рулить подобной кухней, чего бы мне это ни стоило. Я все выдержу, пройду все испытания и когда-нибудь открою свой ресторан. И получу свою звезду Мишлен. Другого пути нет. А пока...

А пока я переоделась и уселась в подсобке, пытаюсь хоть как-то себя заставить разобраться, что здесь к чему. Несложная наука мыть котлы и посуду, мне просто нужно было себя заставить. Не смириться, но осознать, что это, возможно, то самое дно, от которого мне нужно оттолкнуться, чтобы, наконец, начать движение вверх.

Что бы обо мне не думали, я упертая и своего добьюсь.

Я приготовила все, что, по моему мнению, может потребоваться на завтра из моющих средств – всяких щеток, ёршиков и прочего. Достала спецовку судомойки из пакета, долго разглядывая ее, словно боялась, что если надену, то уже никогда не сниму. Так и превращусь в черте знает кого и буду всю жизнь...

«Да ни за что я не буду всю жизнь так!», – вспылила я,

сбросила кроссовки, стянула джинсы и водолазку, собираясь примерить спецовку.

Перед глазами всплыло недовольная саркастическая ухмылка Жени, и я будто услышала, что бы он сказал сейчас, глядя на меня: «Докатилась».

В горле тут же застрял тяжелый холодный комок. Эти эмоциональные качели вымотали меня окончательно. В бюстгалтере и трусах я уселась на пол, обхватила колени руками и всеми силами пыталась справиться с душившими меня слезами.

Слезы сами собой потекли по щекам. Я всхлипнула, потом еще, и вот я уже сижу на полу среди швабр, тряпок и щеток и размазываю слезы по щекам. «Сейчас, немного только пореву и перестану», – сказала я сама себе.

За дверью раздался какой-то шум. Я перестала плакать. «Так, Клюковкина! Соберись! – приказала я себе, – надо хотя бы удостовериться, что это рубище тебе по размеру».

Я вскочила, схватила штаны, натянула одну штанину, во второй запуталась, и в этот момент дверь в подсобку распахнулась, и на пороге появился Шеф.

Я так и застыла на одной ноге, еще не натянув на себя штаны. Шеф смотрел на меня в изумлении, видимо никак не ожидая меня здесь застать, да еще в таком виде.

– Ой! – вскрикнула я и поспешила натянуть штаны от спецовки, запуталась окончательно, потеряла равновесие и полетела носом вперед.

Шеф подхватил меня, но угодил ногой в ведро, куда я составила пластиковые бутылки с химией на завтра. Я схватилась за его китель, он как-то неловко шагнул назад и завалялся на спину, так и не выпустив меня из рук, приняв на себя мое брэнное тело в бюстгалтере и со штанами, спущенными до колен.

По инерции от падения я клюнула носом его в губы и так мы и застыли.

Время стало тягучим, густым, как кисель, и секунды, казалось, превратились в минуты. Наши губы были в сантиметре, я смотрела в его почти черные глаза, чувствовала его горячее дыхание. Он держал меня за талию. Сердце замерло и, казалось, не бьется. Он убрал руки с талии, но убрал так, что его теплые ладони скользнули сначала по спине.

Шеф уперся рукой в пол и попытался подняться. Мы лежали на полу нос к носу и от этого движения он коснулся губами моих губ. И не разобрать было, это скольжение ладоней по спине, это касание губ – все это нелепая случайность или...

Я не успела додумать эту мысль и сообразила, что мне стоило бы слезть уже с него.

Но он не пытался меня спихнуть, а я не торопилась с него слезть.

Он смотрел мне в глаза, потом спросил:

– Ты плакала?

Я помотала головой, лишь бы не признаваться.

Шеф провел пальцем по лицу, по щекам, собирая слезы. Потом по губам. Я невольно выдохнула. Сердце забилося часто-часто.

Губы были совсем рядом. А потом... Нас будто током ударило.

И вот мы уже на ногах.

– Может, отвернетесь все-таки?! – я начала понемногу приходить в себя.

А вот Шеф сам на себя похож не был. Опешил как мальчишка и продолжал стоять и пялиться на меня, словно не понимая комичность ситуации. Он даже не сразу сообразил, о чем я прошу.

– Извини, – он, наконец, отвернулся.

Я отбросила проклятую спецовку и быстро надела свою одежду, приговаривая:

– Откуда вы вообще здесь взялись так вовремя?

– Я всегда обхожу все помещения, прежде чем уйти, – ответил Шеф и шагнул за порог.

Он прикрыл за собой дверь, и я услышала его быстрые шаги по коридору. Сейчас в голове у меня билась только одна мысль: «Этот случайный поцелуй, он и правда случайный был?». Я почему-то улыбалась, это было против моей воли. Даже настроение мое стало немного лучше. Будто туман немного развеялся и, спроси меня в этот момент: «Чего ты, Клюковкина, лыбишься», – я ни за что не нашла бы ответа.

Я прошла через зал и вышла из ресторана. Неподалеку

стояла машина Шефа, он остался в ресторане. Я соображала, что делать дальше. Сегодня домой мне не хотелось еще больше, чем прежде, но снова оставаться у Дины было не вариантом. Но держать очередной разговор с Женей я была не в состоянии. Слишком много сегодня всего произошло. Слишком много такого, о чем мне нужно подумать и такого, о чем думать невозможно, но из-за чего эта странная полу-улыбка так и не сходит с моего лица.

– Может, скоро ночевать будешь в своем ресторане, – услышала я голос Жени и вздрогнула так, будто надо мной бахнул гром и сверкнула молния.

Я обернулась.

– Женя, привет. Да день какой-то чумной, – выпалила я скороговоркой, – представляешь, меня до судомойки понизили, – сказал я и тут же пожалела.

Не знаю, почему не сдержалась. Я будто чувствовала себя перед ним виноватой.

– Ну, это закономерно. Я почему-то не удивлен, – и вот она та самая Женина ухмылка.

– Жень, не начинай, пожалуйста, – взмолилась я, не представляя, как справлюсь сейчас с его наставлениями.

– Что не начинать? – он злился, играл желваками и явно собирался высказать все, что у него сейчас было на уме.

Я вся внутренне сжалась. Хотелось закрыть уши руками.

– Ты ведешь себя как дура, Аль, уже доходит до того, что дома не ночуешь.

– Я у Дины была, ты знаешь, мне нужно было, в чем проблема? И следи за языком! – вспылила я.

Он не услышал вопроса.

– Проблема в том, что я уже приезжаю сюда, чтобы тебя поймать, мне оно надо?

– Ты мне скажи, надо оно тебе или нет, – я уже закусила удила и готова была отстаивать себя до конца, чем бы это не закончилось.

– Так, дома поговорим, – он схватил меня за руку, видимо собираясь вести к машине, словно капризного ребенка.

– Отпусти! – я дернула руку, но он так крепко сжал мою кисть, что я вскрикнула, – Жень!

В тот же момент двери ресторана открылись, и вышел Шеф.

– Может, все дело в твоём долбаном кумире? Ты вообще на кухню к нему хочешь попасть или в постель, Аль?

Шеф слышал эти его слова. Я вспыхнула и от обиды, и от злости, и от всего на свете сразу. Со всей дури я выдернула свою руку из его руки, застонав от боли и замахнулась, чтобы отвесить ему пощечину, но он успел перехватить мою руку и завести за спину.

– Молодой человек, вы бы поаккуратнее, – услышала я спокойный, но властный со стальной ноткой голос Шефа.

Женя тут же отпустил меня и обернулся.

– Ну, конечно, кто бы сомневался! – он нервно засмеялся и этот смех был нелепым и вымученным. – Видимо, я немно-

го ошибся да, Аля, – он снова повернулся ко мне, – ты не стремишься в его постель, ты только что из нее, по всей видимости.

– Какой же ты дурак, Женя, уйди пожалуйста, видеть тебя не могу, – уже спокойно произнесла я, видя, что мой жених не может контролировать свои эмоции.

– О! Даже не сомневайся, так я и поступлю, – он снова глянул на Шефа.

Казалось, он собирается кинуться в драку. Но Шеф был почти на голову выше Жени и намного мощнее в плечах, да и в принципе у них была разная весовая категория. И Женя это тоже понимал.

– Да и хрен с вами обоими, – бросил он и толкнув меня плечом двинулся к своей машине.

Я стояла ни жива, ни мертва. Все это было так мерзко. Не знаю, что еще должно произойти, чтобы я окончательно упала в глазах Шефа. Вот теперь еще и это. Меня буквально подташнивало, так было противно, что он стал свидетелем этих разборок. Я чувствовала себя раздавленной. Хотелось поскорее убежать отсюда, но я черт возьми, понятия не имела, куда мне бежать.

Глава 12. Что в твоей голове?

Кажется, в последний раз я так себя чувствовал в прыщавой юности, когда впервые поцеловался. Такой поцелуй – это даже не поцелуй – это взрыв. И ничего невозможно поделаться, такая сцена, как случилась у нас с Алиной в подсобке, будет прокручиваться в голове без остановки, все время обрастая многочисленными мельчайшими деталями.

Я шел к себе в кабинет, а в голове билась мысль: «А губы-то у нее сладковатые». И дальше: «Фигура огонь, конечно, грудь налитая, не большая и не маленькая, прям то, что нужно, ее бы повернуть там в подсобке», – черт!

Я тряхнул головой. Но если мысли еще можно было из нее вытрясти, то ее запах – яблоко с черёмухой, от которого едет голова, так просто от себя избавиться не даст. Как и ощущение в ладонях от прикосновения к ее телу.

Нарочно не придумаешь, такую нелепость, как случилась в этой подсобке. Я сидел за столом и чувствовал, что еще немного таких мыслей, и от стояка порвутся штаны.

Потом, когда чуть утихла эта буря, я вспомнил ее мокрые от слез щеки, ее растерянный и злой вид. Как нахохлившийся птенец.

Я знал причину ее слез, и чертыхнувшись, пошел за Алей. Сам не зная, что хочу сказать или услышать. Подвезу ее что ли до дома.

У входа стояла тачка, у тачки какой-то хрен орал на Алю. Ну и денек у нее сегодня.

Открыв дверь, я услышал, как Алина чуть ли не кричит: – Отпусти!

Я увидел, как она вырывает руку из руки какого-то парня, морщась от боли.

Первым порывом было дернуться вперед и снести ему коcherыжку. Но я одернул себя, сам не понимая, почему во мне вдруг все забурило, да так, что я как пацан собрался броситься в драку.

И оказался прав в том, что сдержался. Услышал я нечто интересное.

– Может, все дело в твоём долбаном кумире? Ты вообще на кухню к нему хочешь попасть или в постель, Аль? – разорвался этот тип.

«Алин кумир?» – это уже интересно. У нее кумир – злобный повар Константин Яковлев? Почему не рок-звезда или миллиардер из Форбс? Да что с этой Алей не так?»

По собственническим заявлениям типа сразу стало ясно, что это ее ухажер. А в такие дела лучше не соваться. В любом случае окажешься виноват. Но и бездействовать я не собирался, нужно было ему намекнуть на простое жизненное правило – каждое действие имеет противодействие.

– Молодой человек, вы бы поаккуратнее, – сказал я спокойно и даже не глядя на него.

В этот момент я смотрел на Алину, и мне показалось, что

в ее глазах мелькнула искра благодарности. Такой взгляд может получиться только нечаянно – реакция подсознания и оттого по-настоящему честная.

Он нес дальше какую-то пургу. Но я не слушал. Я ждал, когда он закончит, чтобы убедиться – Алине ничего не грозит.

Все это происходило само собой. Я не думал, правильно сейчас поступаю или нет. Правильно ли, что я вообще сейчас здесь стою. И что я на самом деле сейчас делаю.

Парень выговорился и, наконец, свалил восвояси. Алина так и осталась стоять, растерянная и пряча взгляд, словно ей было неловко, что я стал невольным свидетелем их скандала.

Она выглядела вымотанной. Будто все силы, с которыми она нападала на меня, терпела мои претензии, а затем еще и обвинения этого хрена – закончились. И она вот-вот сядет на асфальт и разревется. Мне стало ее жаль: такой храбрый нахохлившийся птенец. Я тут же выругал себя за эти идиотские чувства.

Она все поправляла прядь, заправляя ее за ухо. Уже не зная куда себя деть, Алина достала телефон и тыкнула пальцем в экран.

Нужно было что-то сказать, но я вдруг замялся, что-то промялил, сам не понял, что, и сделал уже совсем нелепое – прикрыл это кашлем, будто поперхнулся.

Она глянула на меня, в ее огромных голубых глазах блеснули огоньки вывески ресторана за моей спиной, преломля-

ясь в блестящей оптике подступивших, но сдержанных слез.

Сердце мое гулко стукнуло, словно пытаюсь разбудить меня, и я очнулся от этого мимолетного наваждения.

– Тяжелый день, да? – спросил я и чертыхнулся про себя.

«А благодаря кому в том числе он у нее тяжелый?» – подумал я и мысль эта была, по всей видимости, услышана.

– Смешно, да, – насупилась Алина.

Она так мило сморщила нос, что я невольно улыбнулся. Но эта ухмылка была расценена неверно:

– Смеется тот, кто смеется последний! – выдала она.

Так, кажется, она снова превращается в фурию, как тогда у меня в кабинете.

Я примирительно поднял руки:

– Каюсь, но правосудие обратного хода не имеет, – шуточка так себе, конечно получилась.

– Не очень-то и нужно, Ше-е-ф, – она так протянула это «ше-е-ф», будто меня это может задеть. Чудо все-таки в перьях эта Клюковкина.

– Так, я с миром, давай я тебя подвезу куда нужно, хотя бы попытаемся наладить диалог, – предложил я примирительно.

Она как-то растерянно оглянулась, кажется, она не знала куда ей нужно. Видимо, живет с этим нервным типом, а возвращаться к нему ей не хочется.

– Давай за мной, – я сказал это так, чтобы она поняла – не обсуждается, и пошел к своей машине.

К моему удивлению, она не отказалась, но вид у нее был такой, будто она делает это только потому, что это звучало как приказ начальника подчиненному.

«Не самый лучший способ пойти на мир, Костя», – буркнул я мысленно на самого себя.

Огни Садового Кольца скользят по лобовому стеклу. На-крапывает теплый летний дождь, плюхаются тяжелые капли. Алина смотрит в боковое окно, отвернувшись от меня, по ее лицу скользят тени, а еще слезы. Такое жуткое одиночество в ней, а она такая храбрая, эта ершистая малышка. Черт, совсем из-за нее размяк.

Я поглядываю на нее и вот уже пять минут мы едем, а я жду, когда она скажет, куда мы все-таки едем.

Она как села в машину, пристегнула ремень, но так и не произнесла ни слова. Ушла куда-то в свои мысли. Не хотелось ее тревожить. Наоборот, совсем другое желание сейчас захватило меня, почему-то хотелось сделать все возможное, чтобы она вот так и дальше смотрела в окно и ни о чем не беспокоилась.

Все-таки я решился нарушить молчание:

– Может, музыку включить?

Она будто выпала из параллельной реальности и глянула на меня так, будто не понимает, что я ее спрашиваю, кто я такое и где она вообще находится. Всего лишь мгновение растерянности, но тут же собирается, вытирает слезы и, конечно, огрызается:

– Вы не похожи на человека, который слушает приличную музыку. Музыка, видите ли, душу тревожит, вдохновляет, воодушевляет, заставляет плакать. Какую музыку может слушать человек без души – тот еще вопрос.

– Вы не похожи на человека, который слушает приличную музыку. Музыка, видите ли, душу тревожит, вдохновляет, воодушевляет, заставляет плакать. Какую музыку может слушать человек без души – тот еще вопрос, – поддевает меня Алина.

Язва.

Видимо, огрызаться – это для нее самая подходящая модель поведения со мной. Что ж, рискованно с ее стороны, но справедливо. Мне уже и самому становится интересно, почему я ей спускаю такое поведение. Другая уже бы давно была стерта из моей реальности, словно недоразумение. Но я не только терплю, меня уже начинает забавлять ее острый язычок.

– Вот будет ужас, если душу ты все-таки обнаружишь, давай, проверим, – отвечаю я.

– Cranberries – Zombie, – она смотрит на меня с хитрым прищуром и предлагает.

Я невольно расплываюсь в улыбке. Это одна из немногих композиций, которые у меня скачаны в память телефона.

Я тут же запускаю трек и замечаю, как Алина в удивлении дёргает бровью.

Первые же аккорды, и вот я уже пальцами по рулю повто-

ряю ритм. Алина покачивает головой в такт, ее губы беззвучно шепчут первые слова куплета. Я немного прибавляю звук, она улыбается и одобрительно мне кивает. В голове проскакивает мысль, которую мне хочется тут же прогнать, мысль из-за которой у меня появляется холодок в солнечном сплетении, а ладони на руле, вдруг, слегка потеют: «Что еще сделать, чтобы ты вот так улыбнулась?».

Мы переглядываемся, отмечаем, что оба чуть ли не пританцовываем – пальцами, ногами, головами, и оба повторяем за певицей. И тут же хохочем.

И вот начинается припев, как Алина, несколько уже не стесняясь, завопила чуть ли не в одной тональности с вокалисткой:

– In your head, in your head!

И как здесь было сдержаться?

– Zombie, zombie, zombie, – зафальшивил я, вторя ей.

Алина выпучила на меня удивленные глаза и заорала еще сильнее, трясая головой:

– What's in your head, in your head!

– Zombie, zombie, zombie, – поддержал я ее и машинально утопил педаль газа в пол.

Машина рванула, рывкнув двигателем. Алина восторженно вскрикнула, и мы понеслись через расцветченную в облепиховый цвет уличными фонарями Московскую ночь.

Песня закончилась, я приглушил звук и сбросил скорость.

– А вы, Шеф, полны сюрпризов, – подколола меня Алина.

– А тебе с твоим голосом карьеру певицы нужно делать, особенно учитывая...

Я хотел добавить – с твоей-то внешностью, но оборвал себя, заметив, что Алина втянула голову в плечи, будто защищаясь, поджала губы и сложила руки на груди, будто я болтнул что-то неуместное.

– У меня уже есть план на карьеру, – бросила она с вызовом и глянула на меня вздернув подбородок.

Я судорожно соображал, как разрядить обстановку и не нашел ничего лучше, чем спросить:

– Ты правда так хочешь попасть ко мне на кухню? Этот нервный парень у ресторана, сказал, что я твой кумир, что он имел в виду?

– Ага, – дернула плечами Алина, – были кумиром, пока я не услышала, как вы поете.

Мы оба прыснули смехом. Я с облегчением выдохнул.

– Так куда мы все-таки едем? – спросил я.

– Ой! – Алина всплеснула руками.

Жест был такой наивный, почти детский, это обезоруживало.

– Тебе вообще есть куда ехать?

– Да, конечно, – ответила она тут же, но мне в это не особо верилось, учитывая интонацию, с какой она это сказала – будто в этот же момент соображая, куда податься.

Она назвала адрес, я вбил его в навигатор. Когда-то я хорошо знал дороги Москвы, но слишком долго здесь не был

и вряд ли бы сам нашел дорогу.

Я остановил машину во дворе дома в спальном районе. Снова тронулся, зачем-то пытаюсь найти место, где удобнее припарковаться, хотя Алина могла выйти прямо здесь. Я сам себе не готов был признаться в том, что просто хочу, чтобы она еще немного побыла со мной.

Я ткнулся туда, ткнулся сюда и, поняв, что это уже выглядит нелепо, остановился.

Алина попыталась отстегнуть ремень безопасности, но тут же ойкнула и отдернула руку.

– Что случилось?

– Ноготь сломала, ничего страшного.

Я отстегнул ее ремень, коснувшись тыльной стороной ладони бедра. Сам не знаю, специально я это сделал или нет. Она глянула на меня и по глазам я сразу понял, что это прикосновение не ускользнуло от нее.

Чтобы крепление ремня не хлестануло ее, я придерживал его, пока он не исчез в доводчике, чувствуя рукой тепло ее груди. Пульс заколотился в висках, мне показалось, что она на мгновение задержала дыхание. Снова смотрит на меня. Все происходит быстро, но в то же время каждая деталь врезается в память. Игра взглядов, которую ни разгадать, ни осознать, но эта игра такая томительная, и тягучая, хочется, чтобы она не прекращалась.

Мне хочется сказать: «Давай прокатимся еще», – но я не говорю ничего. Смотрю только как она выбирается из маши-

ны. Дверь захлопывается, Алина наклоняется, заглядывает в боковое окно, а я, как перевозбужденный юнец смотрю на ее грудь, которую ничего не скрывает, когда она вот так наклоняется.

Она замечает мой взгляд, и тут же краска бросается ей в лицо.

– Спасибо, что подвезли, – она торопиться прочь, не дождавшись никакого ответа.

Я поднимаю боковое стекло, но уехать не тороплюсь. Я смотрю ей вслед, пока она идет к подъезду: «Что в твоей голове, в твоей голове?», – шепчу я по-русски строчку из песни, которую мы с ней слушали недавно и снова врубаю этот трек на всю возможную громкость. Алина поднимается по ступеням.

«Обернись», – говорю я мысленно. И, она оборачивается. Я опускаю боковое стекло, из машины несется: «What's in your head, in your head?». Алина машет мне рукой, а я улыбаюсь как полный идиот, не понимая ни чему улыбаюсь, ни то, что со мной сейчас вообще происходит.

Я рву машину с места, «Zombie, zombie, zombie» орёт Cranberries. Сердце колотится, грудь распирает, словно давай сердцу места разогнаться. Московская ночь проглатывает меня вместе с машиной.

Глава 13. Деда мороза не существует

Я заскочила в подъезд. Дверь закрылась и я, наконец, перевела дыхание. «Что это было?», – спросила я сама себя, слушая, как бешено пульсирует кровь в висках. Его руки были так близко, что там в машине у меня чуть не выскочило сердце. Еще немного и я бы там, наверное, растеклась по сиденью. Щёки горели.

По телу разлилась истома.

В тот момент, когда его лицо, его дыхание, его руки были так близко, я так хотела, чтобы он поцеловал меня. Когда думаю об этом, голова идет кругом.

А он, оказывается, живой. Я думала, что Константин Яковлев вообще лишен каких-либо эмоций. Трудно поверить, но его стальные глаза плавились, становились морем, а я в них тонула.

– Но почему же ты такая скотина жестокая тогда? – прошептала я уже вслух.

В подъезде мой голос прозвучал звонко. Кстати, где я?

Только сейчас я поняла, что машинально назвала ему адрес Дины и теперь стою в ее подъезде. Я даже не предупредила ее. Знала только, что ни при каких обстоятельствах сегодня не появлюсь в нашей с Женей квартире, в его кварти-

ре, чего уж.

Он перешел все границы, вот эти заявления про то, что я хочу к Шефу в постель – какой же бред. Но прямо сейчас мне не казалось это бредом. Может, Женя почувствовал куда раньше мою так сказать вдохновенность Шефом, чем я призналась себе в этом? Или может, он просто дурак и ревнует?

Из головы никак не выходила сцена в машине. Меня качало из стороны в сторону на эмоциональных качелях. С одной стороны все во мне бушевало после Жениной выходки. Хватило же ему мозгов нести всю эту чушь на людях, да еще и Шеф слушал – позорище. С другой стороны, полностью провалиться в неприятные ощущения мне не давала эта поездка. То, как смотрел Шеф, то, как мы смеялись и пели вместе. Приятное тепло разливалось по всему телу от этих мыслей.

Я набрала номер Дины, но тут же сбросила. Неудобно было как-то ее тревожить. Но куда же мне идти? Ни денег нет на гостиницу, ни домой вернуться. А вдруг Дины вообще дома нет? Я похолодела.

Тут запищал домофон, дверь подъезда открылась, и появилась Дина. Точнее сначала появился огромный букет благоухающих цветов, который Дина держала обеими руками.

– О! Клюковкина! Ты в засаде здесь, что ли? Что вообще происходит? – удивилась Дина, выглядывая из-за букета.

– Прости, Дин, что не предупредила, думала ты дома, можно я у тебя упаду сегодня? – я в мольбе сложила ладошки на груди.

– Что за вопросы, конечно, можно, пошли.

Я пошла вслед за Диной к лифту.

– Ничего себе букетик, Динь-Динь, признавайся, кто он?

– Не поверишь.

Дина нажала кнопку своего этажа. Двери лифта закрылись.

– Я сейчас во что угодно поверю, – уверила я подругу.

– Денис, наш новый управляющий, – не без гордости ответила Дина.

– Во как!

– Угу, и записка, смотри, – она протянула мне листок.

«Дина, прошу прощения за свою выходку, профессиональная деформация», – прочитала я.

– И?

– Что и? – Дина смущенно улыбнулась.

Двери лифта открылись, она так ничего и не ответила. Но мне все было ясно уже по одной ее улыбке.

– Дай-ка угадаю, почему ты здесь, а не дома, – Дина поставила цветы в вазу. Чем немало удивила меня, – Женя? – спросила она.

– Откуда у тебя такая огромная ваза? – ушла я от ответа.

Дина подбоченилась, глядя на букет и вазу:

– На всякий случай, – ответила она и заговорщически подмигнула мне, будто намекая, что это и есть тот самый случай.

– И что он опять тебе сказал? – Дина, видимо, твердо намерилась узнать, что у меня происходит.

И я, тяжело вздохнув, пересказала ей все, что случилось возле ресторана и после.

– Ну, с Женей все понятно, на самом деле, – многозначительно произнесла Дина, как я закончила.

– Вот бы мне еще понятно было.

– Женя твой из тех мужичков, мужиком мне сложно его назвать, которые никак не могут состояться и потому самоутверждаются за счет близкого.

Я уселась на кухне и ждала, когда вскипит чайник. Дина ушла в комнату и вернулась уже в домашней футболке и шортиках.

– И чем больше у тебя не получается, тем увереннее он себя чувствует, – добавила Дина и собрала из волос на макушке загогулину.

– Странно это как-то, – засомневалась я.

– Ничего странного, он там чем у тебя занимается? – она не дала мне ответить, – правильно – ничем, стартап какой-то, ты говорила, ну, и как стартап? Сколько уже времени прошло? Знаешь, в наше время фраза «у меня стартап» означает – я понятия не имею, чем хочу заниматься, но работать я точно не хочу.

– Может себе позволить, – я будто пыталась его защитить.

– Может, пока родители содержат, ладно, хрен с ним с Женей на самом деле, терпеть его не могу, не понимаю, чего ты с ним до сих пор маешься, – Дина налила нам чаю и уселась за столом напротив меня.

Она поставила локти на стол, положила подбородок на кулачки, в глазах ее мелькнул лукавый огонек, она стала похожа на хитрую лисицу:

– Значит, сюда тебя Шеф привез? И что, просто ехали и все? Колись, Клюковкина.

– Все равно, не поверишь, – я усмехнулась, – мы пели, Дина!

– Что вы делали?

– Пели.

Глаза у Дины округлись и стали похожи на два блюдца. Она засмеялась в голос да так заразительно, что я и сама не удержалась, вспомнив наш ненормальный песенный дуэт с Шефом.

– Никогда бы не подумала, а он живой, оказывается, – отсмеялась Дина.

– Угу, – я кивнула, – я тоже до сегодняшнего вечера думала, что он робот.

– Скорее кухонный комбайн.

– Точно.

– А щечки-то покраснели, – подначила меня Дина, – запала ты на него, подруга.

– Да, ну тебя! Он же не человек, он памятник, черт бы его задрал, у него и сердца-то, наверное, нет.

В кармане ожил телефон. Я вздрогнула, уже догадываясь, кто звонит.

Пальцы предательски задрожали, я ответила на звонок и

тут же убрала телефон от уха:

– Шмотки твои в подъезде! – Женя, видимо, хотел, чтобы его голос прозвучал грозно, но вместо этого сорвался на истерический фальцет.

Даже не включая громкой связи, я слышала, как он орет, и Дина слышала это вместе со мной.

– Пускай твой шкаф тебя приютит!

Я отбила звонок, ничего ему не ответив.

– Шкаф? – спросила Дина.

– Угу, это он про Шефа. Впечатлился, видимо, когда тот осадил его возле ресторана.

Телефон снова затрезвонил и снова Женя. Я сбросила звонок и вообще выключила телефон.

– Поехали за вещами? – спокойно спросила меня Дина.

Глава 14. Да, Шеф!

«Мечты имеют неосторожность сбываться, вот ты и стала ближе к кухне, о которой мечтала», – подумала я, когда оказалась на своем новом рабочем месте.

Черт бы его побрал, моего Шефа!

Мойка, где мне теперь предстояло трудиться, примыкала непосредственно к кухне, и я могла смотреть на все, что там происходит, через проем, в который повара сбрасывали мне грязную посуду. Круто, что тут скажешь.

В редкие моменты, когда ко мне переставали валиться: кастрюли, сковородки, сотейники и прочая утварь, я залипала и не могла отвести взгляда от того, как работает команда Шефа. То, что по началу казалось хаосом, представало, как единый, безупречно выстроенный механизм. Каждый знал свое дело, каждое движение выверено и отточено.

Сам Шеф, Константин Яковлев, стоял на раздаче, контролируя время отдачи блюд и оформление подачи. В черном кителе, словно пират на палубе. Ноздри раздуваются – по запаху чует степень готовности, нехватку специй. Он не спешит. Он все подмечает. Я стараюсь не смотреть на него, но сложно, взгляд то и дело возвращается к его массивной фигуре. Я слышала его рубленые команды, и от этого властного низкого глубокого голоса, которому, казалось, попросту невозможно не подчиниться, у меня каждый раз замирало

сердце.

«Да, Шеф!», – хором отвечали повара.

Он обернулся, наши взгляды встретились. Это было первый раз после нашей поездки на машине. Я улыбнулась ему. Но он недоуменно поднял брови, меня обожгло холодом стальных глаз.

Вот так? После его близости, после вспыхнувшей между нами искры, после песни?

Я дернула плечом и отвернулась. Пошел ты.

Но было жутко обидно. Меня почему-то проняло до ком-ка в горле.

Когда я вернулась к своему наблюдательному посту, Шефа уже не было. И ничто не мешало мне представлять свое будущее.

Я представляла, как работаю на этой кухне под его руководством, как расту день ото дня – и вот я уже бригадир. Еще немного времени – и я Су-Шеф. Еще и вот уже я стою на раздаче, управляю этим безупречным механизмом.

«Да, Шеф!», – отвечают мне хором повара... и вот... и вот свой ресторан, своя звезда Мишлен, и вот...

Грохот брошенной в раковину кастрюли, вместе с брызнувшим мне в лицо соусом, выдергивает меня из грез.

– Не тупи! – рявкнул на меня Артём, новый повар, который занял место, на которое я и подавала резюме. Он глянул с такой злостью, будто я лично перед ним в чем-то виновата.

Будучи самым неопытным в команде Шефа, он с самого

утра отрывается на мне и на другом околокухонном техническом персонале. Формально, по должности он выше, но по факту, Артём – просто эталонный придурок с уязвленным эго.

Честно, у меня перебор придурков в жизни на один квадратный метр. Женя, Шеф и вот тебе нового наняли – привет, Артем!

Я быстренько справилась с кастрюлей и снова стала наблюдать за работой поваров. Я знала все блюда, которые они готовили. Руки чесались поучаствовать в процессе готовки. Разбуди меня ночью, я, не открывая глаз, выдам всю технологическую карту каждого блюда со всеми цифрами и нюансами.

Ведь в свое время я поглощала информацию о том, как работает Шеф с такой жадностью, будто от этого зависела моя судьба. Дома я старалась повторить каждое блюдо, которое он придумывал. Бывало, я видела в журнале только картинку, но меня это не останавливало, и я додумывала, какое это блюдо на картинке может быть на вкус.

Блюдо Шефа никогда не бывает украшено просто так. Визуально оно непременно несло какой-нибудь посыл. В общем, я училась у Яковлева как одержимая. Я знала все тонкости его подачи, его отношения к специям. Может я и не попадала во вкус, готовя блюдо лишь по картинке, ведь сравнить с оригиналом возможности у меня не было, но визуально мою подачу нельзя было отличить от подачи Шефа.

И сейчас я видела, что Артём косячит. Косячит еще на этапе подготовки. Я смотрела, как он орудует ножом, и от отчаяния хотелось закрыть глаза. «Неужели он не видит, что это делается не так», – думала я. Он поймал мой взгляд и двинулся к мойке. Не глядя, сбросил мытую кастрюлю обратно в раковину.

– Чего уставилась?! – рявкнул он на меня, – мой давай!

– А ты не охре...

Договорить я не успела. Появился Шеф и заорал:

– Где каре ягненка?!

– Отдаю, Шеф, – Артём бросился к раздаче.

Я зажмурилась и приоткрыла один глаз в ожидании, какой будет реакция Шефа, уже зная, что Артём накосячил.

– Что это? – загромыхал Шеф.

– Каре, Шеф!

Мимо пролетела тарелка: брызги стекла, несчастный ягненок сползает на пол по стене. У Артёма с лица сползает вся краска, и выглядит он куда хуже, чем этот ягненок, он стоит бледно-зеленый от страха и боится пошевелиться.

Шеф обошел стойку раздачи и сам залетел на кухню.

– Смотри сюда!

Казалось, Артём сейчас потеряет сознание от страха. Я еле сдержала смех. На его месте я была бы счастлива, если бы получила возможность получить мастер-класс от Шефа. Артём же боялся подойти ближе, будто Шеф его сейчас прирежет.

Я смотрела на сильные и ловкие руки Шефа. Он, не глядя, в две секунды несколькими легкими движениями ножа сотворил совершенство. Но Артём вряд ли что-то запомнил. Зато запомнила я.

Я смотрела, не отрываясь на руки Шефа, а когда подняла взгляд, увидела, что он смотрит на меня. Всего пара секунд. Но этого хватило, чтобы у меня от волнения пересохли губы, а в животе потеплело.

Он смотрел, прищурившись, будто пытался понять меня. Снова. И снова он будто изучал меня. А у меня так глупо билось сердце. И горели щеки, о боже, он, наверное, видит, как я покраснела.

Я уткнулась в раковину, делая вид, что мне срочно нужно что-то там помыть, но снова бросила взгляд на Шефа. И он в тот же момент снова глянул на меня. Я заметила, как дернулась уголок его губ, а взгляд стал мягче, будто он на мгновение забыл об Артёме. Краткие, необъяснимые мгновения, которые невозможно расшифровать, но от которых сердце уже билось как сумасшедшее. Я поспешила отвернуться, опасаясь, что не смогу удержаться от слишком откровенной улыбки.

– Видишь?! – рявкнул Шеф и поднес разделочную доску к самому носу Артёма.

Тот кивнул. Шеф вернулся на раздачу и снова оттуда понесли почти армейские команды.

К вечеру я окончательно вымоталась. Я уже смотреть не

могла на все эту бесконечно поступающую ко мне грязную посуду. Ладони от воды разбухли, стали похожи на две розовые лепёшки. Но впереди меня еще ждала ночная смена.

Я сама выпросила её у сменщицы. Ночевать мне сегодня было негде после того, как мой бывший жених выставил меня из квартиры. Конечно, можно было пойти к Дине, но я не хотела злоупотреблять ее гостеприимством. Оставила только у нее свои шмотки.

Я ждала первую зарплату, чтобы снять себе какой-нибудь угол, плевать уже какой, хоть койко-место, а пока, собиралась выживать с помощью ресторана.

Если честно, с момента, как я устроилась сюда, все летело в тар-тарары. Отношения с еще недавним женихом, а нынче – уже бывшим, жилье, которого у меня нет и страшно подумать, что вообще с этим делать дальше. Мечта стала еще дальше, чем была ранее. Могла бы устроиться в средний ресторанчик, шла бы спокойно по карьерной лестнице. Но вот я – судомойка, а Шеф выкручивает мне мозг своим непонятным поведением.

Спросите меня, как пройти в ад, я с радостью подскажу вам дорогу.

Работы ночью было меньше. Артёма, которого я про себя уже величала «косаткой» за его косяки, Шеф определил в ночную смену заготовщиком. Когда узнала это, сердце мое замерло в надежде – вакантное место повара в основной команде Шефа снова было свободно.

Ночью работы намного меньше, и я осмелилась войти на кухню, чтобы поближе посмотреть, как работают заготовщики.

И, конечно, на меня тут же оскалился Артём:

– Твоё место там, – он показал на окошко для приема посуды.

– Слушай, тебе жалко, что ли? – осадил его бригадир ночной смены и обратился ко мне. – Ты же Аля, да?

– Угу, – я кивнула в ответ.

– Хочешь вкусенького чего-нибудь?

Я не стала отказываться. Парень, заступившийся за меня, оказался очень приятным. Рыжий, голубоглазый, лицо усыпано солнечными веснушками. Немного полный, но очень гармоничный даже в этой полноте. И, что было для меня очень важно сейчас – искренний и добрый.

– А что именно? – спросил меня Паша, – хочешь могу из меню что-нибудь сообразить?

– Я такое не ем, – ляпнула я и тут же добавила, – в смысле, все это прекрасно, конечно, но я домашнее люблю на самом деле.

– Ты прям, как повар, – улыбнулся Паша, – повара тоже любят поесть максимально простое, я вообще дома готовить не могу.

– Картошечку, пюрешку с котлеткой вот было бы в самый раз, – я буквально облизнулась в предвкушении котлетки.

– Да уж, будут тебе тут котлетку делать, еще нос воротит,

– пробурчал Артём.

– Один момент! Котлетосы с пюре один раз даме! – Паша зашуршал по кухне.

Я уперла руки в боки и подошла к Артёму. Просто у меня кончилось на нем терпение. И должен хоть кто-то отвечать за свое хамство в конце-то концов.

– Слушай, а ты чего такая жопа, я понять не могу? У тебя ко мне какие-то особые пртенезии?

Он опешил от моего нападения и не сообразил, что ответить. Ну раз так, я продолжу свое наступление. Зря что ли начинала.

– Кстати, ты опять делаешь неправильно. У тебя это уже хроническое. Хронический хреновая нарезка, – я показала на разделочную доску. – Слишком мелкая нарезка, когда все это дело перед подачей сбрызнется соусом, пока официант несет, потеряется форма и выглядеть блюдо будет не так, как задумано. Режь крупнее!

– Че-е-г-о-о-о? – протянул Артём, не выдержав вмешательства, – судомойка меня еще не учила.

– Дай нож.

– Облезешь.

– Паш, дай нож, – попросила я.

Тот уже и сам увлекся нашей перепалкой и тут же дал мне свой нож. Я почувствовала приятную тяжесть качественного японского ножа в руке, вильнула бедрами, отодвигая в сторону subtilного Артёма, и в три движения сделала правиль-

ную нарезку.

– Учись, салага, – подмигнула я Артёму, и тот ажно позеленел от злости.

– Свали на мойку, а? – огрызнулся он.

– Я бы на месте Шефа поменял вас местами, – Паша заржал, как конь, глядя, как Артём из зеленого становится пунцовым.

И в тот же момент на кухню вошел Шеф. Все тут же рассыпались по углам, я юркнула к выходу из кухни.

– Стоять! – буркнул Шеф.

Я замерла на месте, в солнечном сплетение похолодело: «Ну, давай, переведи меня в уборщицы теперь», – подумала я.

– И что это было? – он показал на разделочную доску с моими художествами и затем куда-то на потолок.

Я глянула туда, на меня смотрел объектив камеры наблюдения.

«Черт», – выругалась я про себя.

– Я сделаю вид, что не заметил, как ты в спецовке судомойки приближаешься к продуктам, но увижу еще раз – вылетишь.

Я молчала, старалась не смотреть ему в глаза и только хлопала ресницами.

Артём стоял за спиной Шефа и лыбился во всю свою противную рожу, но вскоре ему суждено было опечалиться.

Шеф внимательнее посмотрел на мою нарезку.

– Не так, как я делаю, но...

– Так красивее будет, – перебила я его и тут же втянула голову в плечи, не представляя во что выльется его очередное недовольство мною.

– Может быть, может быть... – многозначительно произнес Шеф и добавил, – Паш, дай ей китель, фартук и на голову что-нибудь.

– Минуту, Шеф! – Паша рванул из кухни и вскоре появился со всем необходимым.

Я ушла на мойку, скинула верх спецовки, надела белоснежный поварской китель и тут же почувствовала такое внутреннее умиротворение, будто вернулась домой после тысячелетнего путешествия. На голову я повязала бандану с черепами, видимо, Паша отдал свою запасную, и вернулась на кухню

Шеф удовлетворенно кивнул, осмотрев меня с головы до ног.

– Давай еще раз, покажи нарезку. И сразу на шесть блюд.

Я мигом посчитала в уме граммовку, и через две минуты все было готово.

Паша выглядывал из-за спины Шефа и, кажется, был очень мною доволен. Шеф хмурился. «Ну, скажи еще, что плохо, скотина хмурая», – подумала я.

– А еще, я в этом блюде заменила бы лимонную заправку на земляничную, аргентинскую креветку на дальневосточ-

ную, а икру форели на икру нерки, – выпалила я и зажмурилась, словно сделала самую крупную ставку в своей жизни.

Я видела, как брови Шефа поползли на лоб. Мне хотелось придержать их ему рукой, чтобы они не уползли еще дальше, не соскочили с макушки и не сказали ему – «Adios!».

– Я за это блюдо звезду Мишлен получил во Франции, и ты мне говоришь, что я не знаю, как будет лучше?

– Так-то Франция, они там до девятнадцатого века вообще не мылись, чего с них взять?

– Так! – Шеф отмахнулся от меня как от назойливой мухи.

– И вообще, это не равиоли должны быть, а вареники! – я пошла ва-банк.

– Да это чушь какая-то! – рассвирепел Шеф.

– Зе-мля-ни-ка... – пробурчала я, делая шаг назад.

Шеф в ярости стал доставать ингредиенты и швырять на стол.

– Хорошо, Алина Клюковкина, – он навис надо мной, – если это окажется невкусно, а оно обязательно окажется, я не только уволю тебя к чертям, но сделаю так, что на работу поваром в Москве ты больше не устроишься. Но если ты сейчас скажешь, что сказала какую-то чушь, вернешься на мойку.

– Чушь – это использовать дурацкую аргентинскую креветку вместо прекрасной дальневосточной! – бросила я, уже понимая, что все – пан или пропал.

Брови Шефа вернулись с затылка, где застряли в прошлый

раз, проползли по макушке, вернулись на место, но теперь у него пошел дым из ушей.

– Немыслимо! – он вооружился ножом.

Я схватила со стола Пашин нож и смело встала рядом с Шефом. Он смотрел на меня сверху вниз. Я глядела на него снизу вверх. Я не дрогнула, я выдержала его взгляд. Пальцы на руках немного подрагивали, он смотрел слишком пристально, и в этом взгляде я не видела прежнего раздражения и недовольства. В этих черных глазах блестел странный непонятный для меня огонек, но от него мне становилось одновременно и волнительно, и уютно.

Я на мгновение забыла, что вообще происходит, утонув в этих глазах.

– Вареники, говоришь? – спросил Шеф.

Я перевела взгляд на его губы и больше не слышала, а прочитала это по ним.

Я быстренько облизнула свои пересохшие от волнения губы и подытожила:

– Да, Шеф!

Глава 15. Дрёма

Новенький косячил. Косячил жутко. Я смотрел на монитор у себя в кабинете, наблюдая, что творится на кухне, через установленную там камеру, и мне попросту было жалко продукты, над которыми он издевался. Да, я предпочитаю учить сам, мне проще научить, чем переучить, но я прекрасно знаю, сколько времени уйдет на этого Артёма и раздумываю, а стоит ли на него это время тратить. Если увижу хоть какой-то проблеск таланта – значит стоит.

Но пока я не вижу в нем ничего, а то, что заметил, когда брал его на работу, оказалось скорее механической памятью. Таких поваров я называю – зубрилы. Ни шагу в сторону, никакой импровизации. Все так, как показали однажды, и хрен его заставишь включить воображение.

Потом на кухню зашла Алина. Я с каким-то необъяснимым раздражением отметил, как Паша подобрался, расцвел, засуетился. Она красивая. Ее не портит даже широкий фартук. Золотистые волосы собраны наверх, открывают тонкую шейку. Все в ней изящно, мило, но перчинка так и норовит обжечь. Эта перчинка в ее бедрах.

Ха, толкнула ими Артема.

Перчинка в ее задорной улыбке.

Я отвел взгляд, откинулся в кресле. Она меня обжигала, и я ничего не мог с этим поделать. Я не мог ее уволить, но и

не мог допустить ближе. А теперь после той поездки, нашей песни, после того как увидел, какой у нее парень – у меня совсем все смешалось в голове. Я раз сто на дню заходил в ее соцсети.

Я ничего не мог понять. Как такая, как она, была с тем ушлепком? Почему у нее нет квартиры? Зачем ей кухня, если может уже начать зарабатывать кучу денег одной только своей внешностью? А может и не зарабатывать вовсе, а просто быть с каким-нибудь богатеем. Нахрена ей сдалась посуда на моей кухне, и моя кухня в принципе?

Я хотел ее жадно. Потому отводил взгляд, выказывал пренебрежение и холод. Только что за косички не дергал, блин, детский сад. Видел, что она огорчалась моей реакции. Но лучше так.

Я глянул на монитор.

Алина взяла нож и принялась им орудовать. Чего-о? Женщина на моей кухне с моим ножом?

Я вскочил было, чтобы покончить с этим безобразием, но пригляделся: у нее легкие отточенные движения, никакой натужности, как у Артёма. Так-с, интересно. Я приблизил изображение: то, что у нее выходило, не было похоже на то, как делаю я, и как того требую от поваров, но это было не менее интересно. Я должен был глянуть на это поближе.

Я и сам не понял, как так получилось, но вот мы уже стоим с ней за одним разделочным столом, и не я, а она показывает мне, как лучше приготовить моё (!) блюдо.

Всё думал эту мысль и пытался разозлиться, но не мог. Я кайфовал. Это был чистый эксперимент в ночи. Чистое творчество. Я взял ее на работу и не дал ей шанса. Из-за ее внешности, из-за того, что она женщина. Но то, что она делала –такого повара я искал. Таким поваром я был когда-то.

Я посматривал на Алину, она была сосредоточена на готовке. Паше и Артему я мотнул головой, мол, на выход, отдохните. И они тихонько вышли. Мы остались вдвоем.

Мы работали быстро, почти без слов, и только когда случайно я касался ее руки или она касалась моей, меня прожигало насквозь. Я замирал на мгновение, а она поднимала на меня свои голубые глаза и вопросительно смотрела. И от ее взгляда все во мне перекручивалось.

Я резко отворачивался, она вздыхала, и мы продолжали творить. Но я старался коснуться ее руки еще разок. Потому что уже замирала Алина, я видел, как вздымалась ее грудь от этих касаний, и у меня ехала голова.

Схватить, посадить на стол, смести все продукты на пол, сорвать наконец с нее униформу и увидеть, как она извивается от желания.

Но я продолжать работать.

Я не верил в предложенные ею изменения. Не верил, что получится лучше, чем мой оригинальный рецепт, но те сочетания, которые она предложила, были интересны сами по себе, и мне было любопытно, что из этого получится.

Она, и правда, налепила вареников. Я залип, глядя, как

ловко ее пальчики работают с тестом, превращая защипы в замысловатую вязь. Я стоял за ее спиной, отмечая, что она делает. Алина со словами «надо поставить кастрюлю на печь» резко повернулась и уткнулась носом мне в шею.

Да черт возьми!

Я почувствовал ее обжигающее дыхание на коже и машинально положил ей руки на талию, притянул к себе. Она не сопротивлялась. Я почувствовал ее крепкую грудь, закусил губу и поспешил повернуться и пропустить её поскорее, чтобы не случился казус, и я не предстал сейчас здесь на кухне с каменной эрекцией.

От плиты она шагнула обратно, и я снова оказался на ее пути. И теперь уже не знаю, специально или случайно повел себя, как неуклюжий медведь, но она снова оказалась чуть ли не в моих объятиях.

Мы одновременно с ней повернулись, она глянула на меня своими огромными голубыми глазами, в которых я прочитал удивление, и тут же ее щеки вспыхнули, она потупила взгляд, и я понял, что происходит. В штанах у меня стало тесно, и она это почувствовала, я упирался ей в низ живота.

Я поспешил встать к столу и попытался сосредоточиться на соусе. Алина забрасывала землянику в блендер. Отвлечься не получилось, она закинула одну ягоду в рот и облизнула палец.

Не в силах отвести от этой картинки взгляда, я махнул ножом по пальцу.

– Заканчивай, сейчас вернусь, – сказал я Алине.

Она глянула на капающую на пол из пальца кровь.

– Сильно?

– Ерунда, – ответил я, вышел из кухни и двинулся к своему кабинету, где у меня была аптечка.

Я наскоро забинтовал палец и включил монитор. Алина шуршала теперь одна. Ей пытался было помочь мой бригадир Паша, но она не подпускала его и все делала сама. Ему пришлось довольствоваться «принеси – подай».

Я засмотрелся. Удивительно, но даже в чужом кителе, который ей пришлось собрать в складку на спине и туго перевязать фартуком, она все равно выглядела великолепно. Нежная и вместе с тем решительная, хрупкая, но такую не сломать. Она будет гнуться, словно упругая ветка, и стоит отпустить хватку, хлестанет так, что мало не покажется. Глаза полны наивности, но эта наивность не оттого, что она не знает, как устроен мир, а от того, что она хочет, чтобы он был устроен так, как она о нем думает.

Камера смотрела на нее сверху. Из-за того, что китель был слишком большой, ворот не запахивался как нужно. Она наклонилась над столом, и моему взгляду открылась немного ее грудь, мягкие полукружия.

«Так! Яковлев!», – сказал я себе и выключил монитор.

Когда я вернулся на кухню, она уже украшала готовое блюдо. Выглядело оно прекрасно. Не хотелось это признавать, но ее подача была лучше, чем моя.

Я подошел ближе. Она стояла чуть в сторонке, сложила ладошки, прикрывая ими губы, словно боялась, что не выдержит сейчас самый главный экзамен в жизни.

Но я уже знал, что это не может быть невкусно. Мне было только интересно, насколько это вкусно.

Я взял вилку, попробовал и глянул на Алину. Кажется, она даже не дышала от волнения.

– Это великолепно, – сказал я без всякого преувеличения.

Бригадир Паша за моей спиной хлопнул в ладоши.

– Браво, Аля! – не сдержался он.

– Попробуй, – я подцепил на вилку вареник и протянул вилку зубриле Артёму.

Это был его последний шанс. Если в нем есть что-то большее, чем раздутое эго, а это чересчур бросалось в глаза, учитывая с каким презрением он смотрел на Алину и на происходящее в принципе.

– Так себе, – скривился он, когда попробовал.

– Пойдем со мной, – сказал я Алине.

Она шла за мной, а внутри меня бушевали противоречия. Я слишком долго жил в обозначенных для себя установках: не доверять красивым женщинам, никаких женщин на моей кухне, красота слишком дорого стоит, и рано или поздно любая красивая женщина начинает ею торговать в той или иной мере.

Это была моя защита, моя броня, чтобы никогда в жизни не повторилось то, что я уже пережил когда-то. И сейчас эта

защита треснула, а броня оказалась не такой уж и крепкой. Просто все это время, пока я думал, что броня надежна, ее никто и не пробовал на прочность.

Мы вошли в кабинет, я резко повернулся, посмотрел на Алю. Не знаю, что она себе думала, но глаза ее потемнели, губы приоткрылись.

Я медленно провел взглядом по лицу, сдерживая себя из последних сил, только бы не отпустить себя, не позволить лишнего. Задержался на мягких губах.

Аля судорожно вздохнула и тут же потупилась, испугавшись своей реакции, сделала шаг назад, и магия распалась.

– Вы хотели меня...

Я уставился на неё.

– Позвали меня зачем? – она спотыкалась на каждом слове и не смотрела на меня.

Я тоже не сразу нашелся, что ответить.

– Эм-м, садись, – я показал на диванчик в углу.

Она осторожно обошла меня, обдав весенним запахом, опустилась на диван и сложила руки на коленях. Надо же как присмирела, я покосился на нее, ожидая, что она чего-нибудь отчебучит в самый неподходящий момент. Я протянул ей планшет с ручкой и закрепленным на нем листом бумаги.

– Запиши раскладку, сможешь?

– Это всё?

– Ты ещё чего-то хочешь?

Мотнула головой, молча кивнула, погрызла колпачок руч-

ки и задумалась. Все это выглядело так мило, что я не удержался от улыбки.

Выносить напряжение, что она создавала во мне, битву желаний я уже не мог, поэтому вышел из кабинета пройтись, проветрить голову.

Когда я вернулся, она сидела на диване боком, подобрав под себя ноги и вовсю сопела во сне. Видимо, этот день дался ей непросто, если ее так быстро выключило. Такая нежная во сне, такая беззащитная. Я вытащил плед из шкафа, у меня лежит на случай, если мне приспичит подремать часок, и укрыл Алину. В конце концов, она не должна отдуваться за мое прошлое и мои опасения перед красотой.

Сел на диван рядом, взял листок с ее записями и откинулся на спинку. Она не просто все записала, Алина составила полноценную технологическую карту на блюдо, что добавило ей еще сто очков в карму. И только я собирался положить листок обратно и встать, как она медленно сползла и положила голову мне на плечо.

Я тут же замер, не зная, как реагировать и не придумал ничего лучше, как немного сползти вниз, чтобы ей было удобнее. Алина уткнулась лбом мне в шею и засопела еще слаще.

Мне вдруг стало отчетливо ясно, что я не поднимусь с этого дивана, даже если начнется ядерная война. Это как когда на грудь ложится кошка. Невозможно подняться, когда кошка мурчит на груди и сладко жмурится, до тех пор, пока она

сама не решит уйти.

Я боялся пошевелиться, сердце в груди стучало так гулко, что, казалось, она услышит и проснется. Алина, не просыпаясь, ощупала мое плечо, словно подушку, которая оказалась слишком твердой, сползла и положила голову мне на голени. Она сложила ладони и прижала их бедрами. Я поправил плед.

Долго смотрел, как она спит. Ей что-то снилось. Было видно, как под закрытыми веками беспокойно бегают зрачки. Я слушал, как она дышит. Хотелось погладить ее по голове или провести пальцем по щеке. Я едва сдерживался, хотелось убрать ей за ухо выбившийся локон.

Я закрыл глаза и глубоко вдохнул, я не хотел думать, я не хотел бороться с собой. Она оказалась другой, она оказалась настоящим талантом. Это меняло положение дел. Для меня это меняло всё.

От Алины пахло земляникой. Я вспомнил, как она облизала палец, когда делала земляничный соус и улыбнулся.

Почему-то я точно знал, что теперь не только свежий запах цветущей яблони и цветущей черемухи у меня будет ассоциироваться с ней, но и аромат земляники.

«Откуда ты взялась, Алина Клюковкина?» – спросил я мысленно неведомо кого, закрыл глаза и почувствовал, как сам проваливаюсь в дрему.

Глава 16. Ливень

Я открыла глаза. Подушка была жесткой, одеяло тяжелым. Я ощупала подушку, оказалось, что это не подушка. Медленно вспомнила, где я заснула. Божечки, кабинет Шефа! А подушка? Я повернула головой. Откинувшись на спинку дивана, спал Шеф.

Подушкой были его колени, а тяжелым одеялом – теплые руки Шефа. А еще я была укрыта пледом. Это он обо мне позаботился? Вот этот мрачный женоненавистник?

Я смотрела на него снизу, стараясь не шевелиться. Рубашка расстегнута, захотелось провести ладонью по его груди, уткнуться носом ему в шею, вдыхать. Щетина проступила, это так мило. Я улыбнулась.

А потом вздрогнула, потому что увидела, что Шеф наблюдает за мной из-за полуприкрытых глаз. Как долго, интересно? Кошмар!

Тот факт, что я лежу головой на коленях у Шефа, пронзил меня будто иглой. В ужасе, не соображая, сколько я так лежу, я попробовала вскочить, да так неловко, что рукой уперлась ему в пах.

Брови Шефа в который раз взлетели вверх. Что не так у него с этими бровями? Живут какой-то отдельной жизнью, черт подери! Боже, что он подумал.

– Ой! – я убрала руку с его хозяйства и села. – Наверное,

это нечаянно.

Шеф продолжал пялиться на меня с изумлением, и только тогда я поняла, что сморозила. А что вы хотите, ранее утро, а я на коленях у начальника, тут и не такое скажешь.

– То есть точно нечаянно, – поправилась я.

– Доброе утро, – сказал Шеф и добавил, – наверное.

Мы сидели на диванчике, сонные и смотрели друг на друга. У него с одной стороны волосы встопорщились, а еще эта щетина. Он казался родным, неприбранным. Сонный, вовсе не грозный, а какой-то растерянный даже. Я провела рукой по его волосам, чтобы поправить. Ничего больше. Меня поразила мысль, что...

– Мы спали вместе, – прошептала я, как оказалось вслух.

– Хм, я бы не стал это так называть.

Мои щеки вспыхнули.

– Простите, – я вскочила на ноги.

Шеф в миг стал серьезным и принялся застегивать пуговицы рубашки. Но вихор смешно торчал со стороны. Я снова улыбнулась и сказала:

– У вас лохматость.

Он принялся приглаживать волосы, но все до вихра не доставал.

– Вот тут же.

И я привстала на цыпочки и снова его погладила по волосам. Шеф замер. Да что со мной не так? Мы стояли друг перед другом, слишком близко. В глазах Шефа, нет, Кости,

сейчас он был Костей мелькало что-то непонятное, теплое. Его стальные глаза снова стали морем. И оно накатывало на меня мягкими волнами.

Костя схватил меня за талию и притянул к себе, а затем поцеловал.

М-м, он поцеловал жадно, проникнув в меня языком. Его руки скользили по спине, чуть ниже, прижимая крепко к его телу. И я чувствовала его напряжение, и невольно шевельнула бедрами, прижимаясь теснее.

Внизу у меня потеплело, намокло. Я обхватила Костю за шею и со стоном ответила на поцелуй. Наши языки встретились, и я начисто утратила способность мыслить. Он был даже жесток, но видимо это меня и заставляло таять.

Костины руки пробрались под китель. Я дернулась, пытаюсь избежать таких откровенных касаний, но Костя был настойчив, добрался до груди, обхватил и прошептал мне на ухо:

– Сводишь меня с ума, – а затем поцеловал за ухом и поцелуями проложил дорожку ниже. – Какая же ты вкусная.

Одновременно он вжимался в меня возбужденным членом, между нами только тонкие ткани наших униформ. Он бесцеремонно и жадно хватал меня повсюду, и от его прикосновений мне настолько снесло крышу, что я только шептала в его настойчивые губы: «пожалуйста, пожалуйста», будто умоляла меня наконец взять.

Но тут мы оба упали на диван. И ошарашенно друг на дру-

га посмотрели. Что мы наделали? Кто мы и где мы?

– Это... – неуверенно сказал Шеф, да, он тут же и Кости превратился в Шефа.

– Кошмар, – закончила я предложение.

– Что-о?! Не понравилось, как я целуюсь? – ехидно уточнил Шеф.

– А должно было? – я отодвинулась на диванчике от него подальше, насколько позволял этот маленький диван. На самом деле у меня тряслись коленки, и от возбуждения сводило низ живота, но если он снова собирается стать говнюком, то и я не буду перед ним растекаться лужицей.

– По всей видимости, ты покладистая только в одном вопросе.

От его слов я вспыхнула и ничего не ответила. Удар был ниже пояса, как говорится. Поэтому, не глядя на Шефа, я направилась к дверям, поправляя форму.

Он удержал меня за локоть. Я надменно посмотрела только на его руку, не поднимая глаз на него. Слышала, как он шумно дышит.

– Постой.

Я замерла, задержала дыхание, чтобы он не слышал, как дышу я. Все, что во мне было живое, сосредоточилось на месте его прикосновения.

– Завтра выходишь на кухню, поваром. Там твоё место. А сегодня езжай домой, отдыхай. Заслужила, – сказал он.

Недоверчиво взглянула на него. В его словах было два мо-

мента, из-за одного я хотела бы кинуться ему на шею и поцеловать в его колючую щетину. А из-за второго я готова была выцарапать ему глаза, вот только о сталь боюсь когти пообломаю. Выйти поваром?! Реально?! Да! Миллион раз да!

«Заслужила» – это что вообще за фигня такая. Что он имеет в виду? Сегодняшнее утро или вчерашний вечер?

В общем, я устала на него, не в силах принять решение: пустить его в разнос или обнять.

И тут я выдала такое, чего никак не могла от себя ожидать. Я сказала:

– Я подумаю.

Тут же выдернула руку из его цепкой хватки и выскочила за дверь.

– Че-го-о-о? – услышала я уже в спину рёв Шефа и буквально побежала по коридору.

Я вылетела на улицу и зажмурилась от улыбающегося во всю свою ослепительную улыбку солнца. Город уже ожил, люди неслись по своим делам, а я не шла, а парила над тротуаром. Я чувствовала себя победительницей. Будто забралась на неприступную гору. И я сделала это сама. Мечта уже не была скрыта тяжелыми тучами, а поблескивала на горизонте. Раньше я шла будто наугад, но теперь точно знаю направление. Я буду поваром! Я буду поваром у лучшего ресторатора Москвы!

И все же, кое-что омрачало мое настроение. Я не могла понять, получила ли я это место через... эм-м, как бы это

сказать, не постель же. Получила ли я место повара через диван, так, что ли? И почему Шеф так... из-за моей внешности, да? Или потому что я – хороший повар?

Вздохнула. То ли радоваться, то ли что вообще.

Что между нами?

Ладно, домой так домой. И тут до меня дошло, что никакого дома у меня в помине нет. Только сейчас со всей ясностью мне представился весь ужас моего положения.

Мне попросту некуда было идти. Прощататься весь день по городу и черте знает где и как переночевать я себе позволить не могу. Мне нужно как следует отдохнуть перед завтрашней чрезвычайно важной первой сменой. Я не имею права облажаться, не могу в первый же день показать себя с худшей стороны, только потому что не выплюсь и буду клевать носом.

В этот самый момент мне пришло сообщение от Жени:

«Малыш, ты как? Нам надо помириться. Прости меня, вел себя, как мудака».

Я тоже, Женечка, я тоже, как мудака. Потому что у меня был диван с Шефом. Я виновато смотрела на смс от бывшего или не бывшего еще жениха. Что-то я запуталась.

Я зашла в ближайшее кафе, совсем крохотное. Села у окна за маленький столик и заказала кофе. Денег на карте почти не было. Я прикинула, что могу позволить себе только чашку кофе и это последние мои деньги.

От страха засосало под ложечкой. Вот же я вляпалась.

Хоть у нас с Женей дела шли не особо гладко, но до того, как я устроилась в ресторан, я как-то не замечала особо Жениного бурчания, недовольства, оно было равномерно размазано по моей жизни. Я шла к своей цели, не замечая вообще ничего. Училась, тренировалась, посещала курсы, сдавала экзамены, мне не хватало времени в сутках, чтобы стать лучшей. И я не копила денег. Что получала, на то и жили, что давали родители Жени – то и проедали. И мысли не приходило в голову делать запас, подготавливать отступление. А потом раз, и ты уже бомж.

И кофе мне до сих пор никто не несет. Хотя кроме меня никого в кафе не было. Я оглянулась.

Официант нес поднос, на котором кроме кружки стояло еще что-то, и весь прямо светился.

– Комплимент от шефа невероятно красивой девушке. И кофе за счет заведения, – сказал официант.

– Спасибо, – кивнула я. Передо мной оказался ароматный пирог, политый соусом, и украшенный веточкой базилика. Это было кстати.

Красота, вот носятся же они с моей красотой, а, по-моему, она мне только мешает.

Позвонил Женя, я смотрела на телефон, говорить не хотелось. Это было странно, еще недавно мы спали вместе, ели вместе, собирались прожить вместе жизнь. Но он просил прощения, а я была виновата, а еще мне было до чертиков страшно справляться с жизнью, поэтому ответила:

– Привет! Прочитала твоё сообщение. Что это значит?

– Я приеду к тебе и давай поговорим, – Женя тараторил, будто боялся, что я сейчас его остановлю.

– Может ну его, оставим уже как есть? – осторожно спросила я.

– Нет, ты просто обижена, позволь...

– Хорошо-хорошо.

Я назвала ему адрес кафе, в котором сидела, и стала ждать.

Мне представлялось, а что, если мы сейчас помиримся, вернем мои вещи на места, у меня снова будет дом, будет, куда возвращаться. Я смогу полностью сосредоточиться на работе, а не вот эти все нервы... Это успокаивало. Ком страха рассасывался, и казалось уже, что все решаемо.

За окном как-то резко стало пасмурно. Грохнул вдалеке гром.

Женя приехал минут через двадцать. Я не могла заставить себя ни есть, ни пить кофе. Что-то решалось очень важное, но я никак не могла в этом разобраться.

Женя сел напротив. Выглядел он тревожно и, как мне показалось, немного виновато. Хороший признак. Может, понял, что перегнул все же палку со своими претензиями.

Он положил руку на мою руку. Я глянула ему в глаза.

– Аль, как-то неправильно все у нас получилось, – начал он. – Слушай, я реально давил на тебя. Я понял это. Кухня – твоя мечта, ты работаешь, ты крутая. Попала к реально из-

вестному чуваку. Я должен был поддерживать тебя.

– Да уж, – я не знала, что еще сказать. Его признание было неожиданным. Особенно учитывая то, что он меня выгнал буквально на улицу в ночь. И ведь я уже с Шефом...

Я осторожно убрала свою руку.

– Я приревновал, – продолжал Женя. – Я когда увидел, Шефа этого твоего, что-то совсем крыша улетела. Ты же сама говорила, что он твой кумир. Знаешь, это непросто принять, откуда мне знать, что именно ты под этим подразумеваешь.

Я почувствовала, как мое лицо залило румянцем от стыда. Потому что Женя раньше меня почувствовал то, что случилось со мной и Шефом позже. Поэтому он сорвался. А я...

– Женя, погоди. Я и Шеф, в смысле, что ничего такого, мы просто работаем, но...

Женя дернулся так, что стул закрипел по полу. Лицо его перекопилось от злости. Но я терпела, он имел на это право. Наверное. Не знаю.

За окном ливанул дождь. Потемнело.

– Подробности оставь при себе, – Женя чуть не сплюнул эти слова мне в лицо. – Знаешь, Аля, ты девушка – облом. Я реально долго не догонял. Смотришь на тебя, внутри все переворачивается, что такая женщина – моя. Тебя выгуливать все равно, что крутую тачку гонять. Статусность. Но ты не просто этим не пользуешься, всю эту твою красоту и увидеть-то сложно. Даже мне. Тебя или дома нет, или ты приходишь ближе к ночи вымотанная, заезженная, и в чем смысл?

Я думал, что буду собирать завистливые взгляды, которые бросают на мою жену, а вместо этого рядом со мной поварёшка безлика.

– Шефу зато важнее, что скрывается за моей красотой, насколько я классный профессионал, – выпалила я с горечью.

Как только я это сказала, я вдруг отчетливо поняла, что так оно есть. Пока Шеф видел только мою внешность, он меня и близко не подпускал к кухне, но как только я показала, на что способна, он и на кухню пустил, и... дальше я покраснела от воспоминаний.

– Ты вроде хотел помириться и снова вернулся к своей старой песне, – сказала я.

– Просто я о тебе переживал. Ты уткнулась в какую-то ерунду и не видишь, какой мир широкий, он не сосредоточен на кухне. У тебя столько возможностей, а ты просто дальше носа не видишь. Я старался тебя вытянуть из твоей норы.

– Норы? Норы?! – я смотрела на него уже без обиды или злости. Просто с недоумением. Что-то же в этом человеке держало меня рядом с ним. Только вот я никак не могла вспомнить, что именно. Все покрылось толстым слоем пыли от скандалов, разочарования, взаимных обид и тотального непонимания.

– Тебе же идти некуда, я думал, ты одумаешься, когда поймешь, что надо не только в своем узком направлении двигаться, но и думать о человеке рядом с тобой, – продолжал

Женя.

– Ты выгнал меня из дома в ночь в качестве воспитания? – уточнила я с убийственной холодностью. – А сейчас что? Унижаешь и зовешь обратно?

– Не унижаю. Просто зову обратно. Ну поссорились, всякое бывает.

Он ничего не понял. Он реально считает, что моей внешности достаточно ему, что когда-нибудь он выдернет меня из моей профессии. Он думает, что меня можно воспитывать. Весь выговорился. Мне уже не было стыдно за это утро с Шефом.

Это был конец. И у меня точно нет дома.

– Уходи, я не поеду к тебе. Все кончено.

– Тебе же некуда идти, ты чего выкобениваешься? Или Шеф тебя к себе позвал? – Женя повысил голос и, по-моему, кричал уже на все кафе.

– Все равно. Это мое дело, не твое. Все кончено, – повторяла я. В животе разрастался страх, пустота, холодный ужас.

За окном лупил по стеклам серый дождь.

Женя вскочил, стул с грохотом упал. К нам подскочил официант. Он встал между мной и Женей.

– Все в порядке? – поинтересовался он угрожающе у Жени.

– Негде будет спать – приползешь. А я открою, я добрый, – сказал Женя через плечо официанта.

Я отвернулась. Потому что я никогда не приползу.

Хлопнула дверь кафе, Женя бежал под дождем, вымокнув в раз, жалкий, противный, а мне казалось, что он не мокрый, а липкий. А на моей душе была теперь какая-то липкая дрянь. И снова страх.

Ко мне подошли официант и повар, я по кителю поняла. Два молодых парня. Повар поставил бутылку вина, пиво, тарелки со стейками, посыпанными зеленью, корзинку ароматного горячего хлеба, сырную тарелку. Официант в это время запер на замок дверь кафе и перевернул табличку с открыто на закрыто. Никого кроме меня в этот час здесь не было.

– Мы слышали твою историю, поварешка, – усмехнулся повар. – Давай что ли выпьем за знакомство. Расслабься, забей.

Я только хлопала ресницами, не понимая, как она позволяют себе такое самоуправство.

– Вас не уволят обоих? – спросила я с недоумением.

– А кто? Это наша кафешка. Сами себе начальство, повара и официанты.

Это были мои ребята, из моего мира. Я слабо улыбнулась. Ни есть не хотелось, ни пить. Но они шутили, наливали вино, отламывали хлеб. Я потихоньку как-то тоже втянулась. И вот уже ела, пила, и даже смеялась.

Тугой страх понемногу отпускал.

Официант сказал:

– Знаю, ты, наверное, огорчаешься. Ну а как же, такого хренового жениха упустила, теперь некому тебе будет пи-

лить мозг остаток дней. Но реально, чуть позже ты поймешь, это был лучший день в твоей жизни.

– Слушай, ты уж извини, что мы подслушивали, но скажи, а что за крутой шеф к которому ты устроилась? Ну, этот твой говорил, дескать, реально крутой чувак, – спросил повар.

– Константин Яковлев, – ответила я.

– Охренеть! – воскликнули они одновременно.

За окном сверкнула молния. А потом бахнул гром. Дождь долбился в стекло кафе и уже через мгновение превратился в сплошную ливневую стену.

Я выдохнула.

Шеф взял меня на кухню. Поваром! Скоро все будет в порядке. Я знаю, что повара у Шефа на оплату не жалуются. Как только получу первую зарплату, я сразу смогу снять себе какой-нибудь угол, правда, сейчас что делать, совершенно не ясно. Аванс просить не хочу. У меня почему-то странное ощущение, что я не имею права показывать слабость перед Шефом. Ощущение такое, будто я тут же его разочарую, а этого я себе позволить не могла.

Но надо немного потерпеть, и все получится.

Небо осветило новой вспышкой молнии.

Напротив кафе стоял ювелирный. И меня осенило идеей. Я видела неподалеку от работы ломбард и запомнила его, потому что думала, кто же относит туда свои украшения.

Ага, теперь знаю кто.

Мне кровь из носу нужны деньги, мне нужен угол хотя бы

на сутки, а побрякушки – побрякушки я скоро куплю себе новые. Потому что все у меня будет хорошо.

Снова шарахнула молния и одновременно с ней на телефоне высветился номер Шефа. Эй, у меня же выходной!

Глава 17. Сновидение

Состояние после такой ночи, когда то ли спал, то ли не спал похоже на то, когда не можешь отличить сон от реальности. Краски размыты, в голове прокручивается одна и та же картинка. Вот Алина просыпается у меня на коленях, смотрит застывшими глазами и от этого взгляда в груди что-то ёкает.

Стоит тряхнуть головой, образ расплывается, но уже через пять минут всплывает вновь. И какая-то лень захватывает меня полностью, не хочется ничего делать, не хочется работать, не хочется находиться в ресторане. Хочется снова провалиться в полудрёму и вернуться туда, где это были не картинки, а вполне осязаемая реальность, точнее, осязаемая Алина.

Я машинально схватил телефон и набрал ее имя.

Пошел звонок. Зачем я звоню? Что я собираюсь сказать? Совсем ополоумел? Я скину

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.